

ISSN 2541-8947 (On-line)

РУС/ENG

Научное сетевое издание

#2 (18) 2022

Scientific Edition
Theology. Philosophy. Law

www.theophil.ru

18+

Рецензируемое научное издание

ТЕОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ. ПРАВО / THEOLOGY. PHILOSOPHY. LAW.

№ 2 (18) ОТ 30.12.2022

Главный редактор

А.М. Иванов (Владивосток)

Редакционная коллегия

А.В. Алексеев (Москва), Д.В. Гордеев (Владивосток), О.А. Дмитриева (Волгоград),
А. А. Иванов (Тольятти), С. В. Каменев (Владивосток), С. В. Шошин (Саратов)

*Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций как сетевое издание.
Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-66963 от 25.08.2016 г.*

Учредитель и издатель

Алексеев Алексей Викторович

Периодичность - 1 раз в полугодие

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Материалы статей публикуются в авторской редакции.

*Авторы несут полную ответственность за подбор и грамотное изложение фактов,
содержащихся в статьях; высказываемые ими взгляды не обязательно совпадают со взглядами
редакции.*

При перепечатке и использовании материалов статей ссылка обязательна.

Электронная почта редакции: feophil@gmail.com

Номер телефона редакции: + 7 (985) 7217699

Адрес в сети интернет: www.theophil.ru

ISSN 2541-8947 (On-line)

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Слово к читателю.....	4
-----------------------	---

СТАТЬИ / ARTICLES

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / PHILOSOPHICAL RESEARCH

Коромыслов В.В. Мудрость в преподавании философии современным студентам	9
--	---

ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / LEGAL RESEARCH

Мурзаibraимов Н.Б., Жусупов Б.А. Эволюция становления понятийного аппарата института частного обвинения в уголовном процессе	21
Кривошпеева Д.А. Незаконный состав суда, как безусловное основание для отмены судебного постановления кассационным судом общей юрисдикции.....	29
Иванов А.А., Предбанникова Д.А. Административная ответственность за правонарушения, совершаемые мигрантами: проблема институционализации	38
Иванов А.А., Малахова С.С. Традиционные духовно-нравственные ценности и правовые принципы: сравнительный анализ юридических категорий	49
Корчагин А.Г., Иванов А.М. Некоторые исторические особенности формирования уголовного правосознания в Китае, Корее, Японии	57
Иванов А.М. Некоторые особенности формирования правосознания у тюркоязычных народов	95

Слово к читателю

Постоянный читатель нашего журнала, посмотрев на Содержание настоящего номера, сразу же заметит, что в нем вместо трех обычных рубрик, обозначенных в названии журнала, сегодня представлено две: философия и право.

«Философские исследования» представлены статьей В.В. Коромылова (Пермь) «Мудрость в преподавании философии современным студентам». Размышления философа нацелены на выявление мудрого в преподавании философии в современных условиях. Актуальность темы обусловлена нарастающими трудностями в преподавании философии в условиях насыщенной информационной среды, изобилующей источниками, дезинформирующими и дезориентирующими профессионально неподготовленную аудиторию, разрушающей стимулы для серьёзного подхода к изучению философии. В результате исследования выявлено, что мудрость в преподавании философии, заключается, с одной стороны, в дальновидном, самокритичном, взвешенном подходе, стремящемся уловить нужный баланс во всём, исходя из анализа особенностей конкретной образовательной ситуации, а с другой – в том, чтобы мотивировать обучающихся на развитие самокритичности, дальновидности и чувства меры. Свои размышления автор подкрепляет рекомендациями по проведению занятий по данной дисциплине.

В разделе «Юридические исследования» в этом номере присутствует разнообразный материал на актуальные темы, но разнообразие не помешало увидеть и некую внутреннюю связь тематики исследований. Прежде всего, представляем исследование наших коллег из Кыргызстана. Мурзаибраимов Нурбек Бектемирович и Жусупов Болотбек Асанович из Ошского университета посвятили свою работу «Эволюция становления понятийного аппарата института частного обвинения в уголовном процессе» анализу путей совершенствования уголовно-процессуального законодательства Кыргызстана. Исследователи отмечают, что дифференциация уголовного обвинения стала возможной после приобретения суверенитета Кыргызстаном. Национальное законодательство претерпело значительное изменение в содержательной части уголовного обвинения. Так, были имплементированы наиболее положительные опыты из зарубежного уголовно-

процессуального законодательства. Тем не менее, многие теоретические аспекты частного обвинения не исследованы полностью. В результате данного исследования обобщены наиболее характерные особенности причин и условий возникновения института частного обвинения в научном обороте, его теоретические концепции, обозначены наиболее значимые характеристики института частного обвинения. Полагаем, что исследование представляет интерес не только с теоретической точки зрения, оно поможет и практическим работникам посмотреть на существующие в уголовном процессе проблемы с иной позиции, тем самым обогатив их опыт.

Продолжает тему, связанную с процессом, исследование Кривошеевой Д.А. (Владивосток) «Незаконный состав суда, как безусловное основание для отмены судебного постановления кассационным судом общей юрисдикции». В статье рассматривается незаконный состав суда, как основание для отмены судебного решения кассационным судом общей юрисдикции. Выделяя типичные случаи нарушения правила о законном составе суда, автор работы приходит к выводу, что незаконный состав суда как основание к отмене судебного акта является «мертвой» нормой права.

Весьма острую тему затронули исследователи из Тольятти (Иванов А.А., Предбанникова Д.А.) в своей работе «Административная ответственность за правонарушения, совершаемые мигрантами: проблема институционализации». Миграционные процессы занимают важное место среди глобальных проблем современности, с которыми они находятся в неразрывной связи. Масштабные вооруженные конфликты, нелегальный оборот оружия, торговля людьми, экологические кризисы – эти и другие проблемы либо обуславливают проблему миграции, либо миграционными процессами поддерживаются. Миграционный процесс затрагивает практически все сферы жизни современного общества – социальную, экономическую, политическую. Незаконная миграция влечет угрозу внутренней безопасности государства, стабильности общества, а также правам и законным интересам каждой отдельной личности. Кроме того, незаконная миграция способствует росту преступности. В связи с этим большое значение имеет определение понятия «миграционные правонарушения», а так же выделение их

видов. В статье определено понятие «миграционное правонарушение», рассматривается проблематика административной ответственности за миграционные правонарушения, а также предложены меры по совершенствованию законодательства, предусматривающего ответственность за миграционные правонарушения.

В содержании оставшихся статей также можно заметить определенную внутреннюю связь. А.А. Иванов (Тольятти) и С.С. Малахова (Жигулевск) предлагают сравнительный анализ в работе «Традиционные духовно-нравственные ценности и правовые принципы: сравнительный анализ юридических категорий». Официальное закрепление законодателем перечня российских духовно-нравственных ценностей в тексте нормативно-правового акта знаменует собой новый этап в развитии российского права. Перечень ценностей должен выполнять важную роль в будущем правотворчестве и правоприменении и в настоящее время может рассматриваться как один из механизмов института стратегического планирования в государстве. Необходимо определить юридическое значение подобного рода ценностей, что позволит определить механизмы их дальнейшего использования. В рамках проведенного исследования указанные законодателем ценности предлагается рассматривать применительно к общесоциальным принципам права. Проведенный сравнительный анализ позволяет прийти к выводу, что рассматриваемые ценности продолжают ряд общесоциальных юридических принципов, которые уже были выделены законодателем ранее, таких как принципы гуманизма, справедливости и другие.

Следующие две работы связаны с предыдущей тем, что также занимаются сравнительным анализом. Между собой они связаны темой исследования правосознания. Одна из них касается формирования правосознания у наших дальневосточных соседей, другая – у тюркских народов. В работе «Некоторые исторические особенности формирования уголовного правосознания в Китае, Корее, Японии» (Корчагин А.Г., Иванов А.М., Владивосток), авторы связывают уровень преступности в разных странах, помимо прочего, с уровнем правосознания населения той или иной страны. У наших дальневосточных соседей преступность многие годы сохраняет свою стабильность на достаточно низком

уровне. В данной статье исследуется история формирования и развития уголовного правосознания у наших соседей, с целью выявления особенностей и сходных черт его становления. Авторы надеются, что результаты исследования могут обогатить опыт деятельности законодательных и правоохранительных органов нашей страны. По мнению исследователей, во взаимодействии закона и традиционалистских представлений не закон должен рождать справедливость, а, напротив, традиции при строгом соблюдении могли вызвать к жизни справедливый порядок. Подчеркивается роль обрядов и традиций в стабилизации утвердившихся отношений, в социализации детей и подростков, то есть в превращении индивида в члена данной культурно-исторической общности. Недооценка этого момента приводит нас к непониманию того факта, во что мы превращаем молодое поколение «новыми традициями». Воспитание в традиционном стиле, несомненно, способствовало бы профилактике коррупции и общей преступности не только в китайском, корейском или японском обществе. Такие традиции следует поддерживать и развивать всемерно.

Читателю, возможно, будет интересно проследить дальнейшее развитие темы исследования правосознания в работе «Некоторые особенности формирования правосознания у тюркоязычных народов» (Иванов А.М., Владивосток). В 19 веке на волне буржуазных революций возникают движения пантюркизма, панарабизма, панисламизма, панславизма и др... Автор исследования задается вопросом об осуществимости этих идей и, в первую очередь, идеи пантюркизма, предпринимая взгляд через призму развития правосознания тюркских народов. Предлагаемое движением объединение всех тюркских народов в некую политическую общность должно учитывать факт, что единение политическое подразумевает единство картины мировосприятия, для формирования которой лишь чувства предполагаемого родства тюркских народов, основанного на выводах об определенных сходствах языка, может оказаться недостаточным. То, что языки тюркских народов имеют определенное сходство, не оспаривается, однако очевидно, что носители их принадлежат к различным антропологическим, расовым типам, что может указывать на факт различного предназначения народов, языки которых отнесены к одной языковой группе.

Картина мировосприятия, а вместе с тем и отношение к праву, правосознание связаны с воспитанием и культурной средой, а они различаются в силу предпочтения одними – религиозности, другими – светскости. Отражение ценностей находит в понятиях и терминах, которые, когда речь заходит о сходном содержании, наполняются различными мыслеобразами, формируя различные картины мира, порой диаметрально противоположные представления о добре и зле, одобряемом и запретном. Настоящее исследование некоторых особенностей правосознания тюркских народов можно рассматривать как постановку проблемы. Более подробные исследования в этом направлении, надеемся, будут осуществлены в ближайшем будущем.

И, наконец, как всегда, приглашаем к научно-просветительской деятельности всех исследователей, кому близка тематика журнала.

УДК 101

**МУДРОСТЬ В ПРЕПОДАВАНИИ ФИЛОСОФИИ СОВРЕМЕННЫМ
СТУДЕНТАМ**

Коромыслов Виталий Валерьевич,

канд. филос. наук, доцент кафедры истории и философии
ФГБОУ ВО «Пермский аграрно-технологический университет», Россия,
Пермь, vvk79@mail.ru

WISDOM IN TEACHING PHILOSOPHY TO MODERN STUDENTS

Vitaly V. Koromyslov,

PhD (Philosophy)

Assistant Professor at Department of History and Philosophy Perm Agrarian
and Technological University, Russia, Perm

АННОТАЦИЯ

Статья нацелена на выявление мудрого в преподавании философии в современных условиях. Актуальность темы обусловлена нарастающими трудностями в преподавании философии в условиях насыщенной информационной среды, избыточной информацией, дезинформирующими и дезориентирующими профессионально неподготовленную аудиторию, разрушающей стимулы для серьёзного подхода к изучению философии. В результате исследования выявлено, что мудрость в преподавании философии, заключается, с одной стороны, в дальновидном, самокритичном, взвешенном подходе, стремящемся уловить нужный баланс во всём, исходя из анализа особенностей конкретной образовательной ситуации, а с другой – в том, чтобы мотивировать обучающихся на развитие самокритичности, дальновидности и

чувства меры. Приводятся рекомендации по проведению занятий по данной дисциплине.

ABSTRACT

The article aims to identify the wise in teaching philosophy in modern conditions. The relevance of the topic is due to the increasing difficulties in teaching philosophy in a saturated information environment, replete with sources that misinform and disorient a professionally untrained audience, destroying incentives for a serious approach to the study of philosophy. As a result of the study, it was revealed that wisdom in teaching philosophy consists, on the one hand, in a far-sighted, self-critical, balanced approach, striving to catch the right balance in everything, based on the analysis of the specifics of a particular educational situation, and on the other hand, in motivating students to develop self-criticism, foresight and a sense of proportion. Recommendations for conducting classes in this discipline are given.

Ключевые слова: мудрость; дальновидность; самокритичность, умеренность; чувство меры; преподавание философии; потребительское сознание.

Keywords: wisdom, foresight, self-criticism, moderation, sense of proportion, teaching philosophy, consumer consciousness.

Преподаватель философии в настоящее время оказывается в весьма непростой ситуации, накладывающихся одна на другую из проблем. С другой стороны, время перемен и событий глобальной значимости – это очень интересное и важное время для преподавания философии, открывающее уникальные возможности, поскольку даёт поводы привести актуальные примеры, побуждающие студентов к вступлению в тесное, живое общение с преподавателем, способствует глубоким размышлениям и переосмыслению ранее сложившихся представлений. Это время, когда особенно важно найти

верный, мудрый подход к обучающимся, чтобы максимально плодотворно использовать предоставляющиеся возможности.

Пожалуй, главной особенностью современных студентов является их как никогда ещё ранее свободный доступ к необходимой информации. Это создаёт одновременно и возможности и проблемы в образовательном процессе. Изобилие поступающей информации, возможность выбора различных её источников, в том числе подающих её в привлекательном для сознания студента, но далёком от профессиональности ключе, обесценивает качественные знания, снижая авторитет преподавателя как профессионала в своём деле. В преподавании философии эта проблема становится особенно актуальной, ведь в ней нет единства, каждое из философских направлений предлагает собственную картину реальности. Как быть в такой ситуации, ведь любая попытка донести нечто важное до обучающихся, любой тезис преподавателя могут быть оспорены на основании плюрализма в самой современной философии? Для разрешения такого рода проблем преподаватель воистину должен быть преисполнен мудрости.

Когда говорят о мудрости, то, прежде всего, речь идёт о взвешенном, самокритичном подходе [8, 10]. Чтобы научить студентов мудрому, нужно самому подать пример такой мудрости. Чтобы заслужить авторитет, уважение у студентов нельзя допускать предвзятости, а нужно стараться быть всегда внимательным к их мнениям и аргументам, стараться понять, что их привело к такого рода мыслям, какими бы странными и несерьёзными они ни казались на первый взгляд. Иногда из общения с любознательными студентами можно сделать полезные для себя выводы, по-новому взглянуть на те или иные вещи. В дискуссии с ними можно столкнуться с неожиданными подходами к решению проблемы, неожиданными аргументами, необычным ракурсом видения ситуации. Всё знать и максимально полно и точно понимать невозможно, а современные студенты, помимо некачественно поданной информации, могут сталкиваться с источниками, в которых информация подаётся в оригинальном, но всё же конструктивном ключе. Тем более, нужно учитывать, что их

способности воспроизводить полученную информацию и чётко формулировать свой ход мыслей, ещё далеки от совершенства. Таким образом, при прояснении их позиции в конечном итоге можно обнаружить рациональное зерно. В любом случае наша способность к снисхождению, наряду со способностью на ходу корректировать свою позицию, её углублять и уточнять, покажет искренность и высокую степень осознанности нашей позиции, создаст атмосферу доверия и открытости, будет способствовать вовлечённости в образовательный процесс наибольшего количества обучающихся.

Роль доверия в условиях современной российской действительности преподавания гуманитарных дисциплин переоценить невозможно, ведь такие авторитеты для современной молодёжи как А.А. Навальный часто призывают относиться к учителям и преподавателям как чуть ли не главным пропагандистам «Кремля». В этих условиях даже толика пренебрежительного отношения и не вовремя проснувшегося высокомерия могут отвернуть от нас студентов, и кто знает, нельзя исключать и того, что в итоге это может обернуться ситуацией, подобной той, которую так удачно проиллюстрировал Н.С. Михалков в своём фильме «Солнечный удар», в котором переплетены сюжеты произведений И.А. Бунина «Солнечный удар» и «Окаянные дни».

Важно и самому осознавать и объяснять обучающимся, что то, что кажется логичным, а порою даже очевидным, на самом деле может и не оказаться истинным. История науки показывает, что могут быть разные способы описания и объяснения одной и той же области действительности, при том, что все из них могут являться прекрасно работающими на практике моделями. В современной физике достаточно простое и логичное объяснение массы и гравитации механикой И. Ньютона сменяется более сложными и выходящими за рамки нашей привычной логики мышления объяснениями, предлагаемыми общей теорией относительности А. Эйнштейна и квантовой механикой. Попытки разрешить противоречия между ними приводят к ещё более причудливым объяснениям того, что мы называем массой и гравитацией, например, в рамках

теории струн [9]. И это речь идёт о самых фундаментальных понятиях в физике, что уж говорить о проблемах, которые обсуждаются в рамках курса философии.

Поэтому ещё раз подчеркнём, нужно отчётливо осознавать самому и доводить до студентов мысль о том, что то, что каждый из нас часто принимает за неоспоримое, может таким и не оказаться в силу сложности, противоречивости и многогранности окружающей нас действительности, существования различных уровней глубины реализующихся взаимосвязей и законов. Вместе с тем, нельзя вдаваться и в релятивизм и агностицизм, ведь движение по пути познания ко всё большей точности, глубине и полноте отражения этих объективно существующих взаимосвязей, законов и закономерностей безусловно происходит, и зависит от качества наших усилий на этом пути.

Сами же по себе обособленные факты и цифры могут быть интерпретированы не верно, всегда должны быть рассмотрены с учётом взаимосвязей с другими фактами и цифрами, дополняющими картину до целостного видения ситуации. Нужно чётко разъяснять и по возможности показывать на примерах, что смысл фактов и цифр может меняться в зависимости от того, с какими другими фактами и цифрами мы их связываем, в какой контекст мы их помещаем. И что этим пользуются определённые недобросовестные силы, используя нашу веру в простоту и очевидность, склонность принимать удобное и желаемое за действительное, чтобы манипулировать нашим сознанием, создать у нас выгодный им образ действительности. Помимо политических целей, преследуются и финансовые цели обогащения на росте популярности их интернет-контента. В то же время, современные студенты редко способны отличить профессиональный подход от дилетантского, серьёзную аналитику от популизма. У них, как правило, ещё не сложилось понимание того, что содержание в красивой обёртке вовсе не всегда соответствует этой обёртке.

Однако объяснение этого должно даваться по возможности беспристрастно и осторожно, не навязывая своей позиции, более того, как можно

долго не раскрывая её полностью. Чем дольше она не будет раскрыта, тем меньше шансов, что отвернёт от вас ту часть студентов, которые придерживаются противоположной точки зрения. По возможности роль преподавателя философии должна напоминать роль беспристрастного арбитра, мудрого судьи, рационально взвешивающего аргументы всех заинтересованных сторон.

Самокритичности обучающихся также способствует материал, содержащий факты, разрушающие стереотипы, вызывающие удивление, заставляющие глубоко задуматься и посмотреть на накопленные знания под другим углом. Например, для этого хорошо подходят такого рода факты как ничтожно малый размер ядра атома по сравнению с размерами самих атомов или объяснения ошибок наивно-реалистической теории познания, как её называет известный специалист по истории и философии науки В.С. Стёпин [7, 29-40].

В этом свете не стоит списывать со счетов тему диалектики. Даже если вы не приемлите марксистскую философию как таковую, сложно отрицать значимость развития диалектического мышления в нашем современном мире, полном сложности, неоднозначности и противоречивых потоков информации. При определённом подходе эта тема позволяет развить у студентов более гибкое и глубокое мышление, способность совмещать в мысли противоречивое, сопровождаемую пониманием многогранности мира, недопустимости абсолютизации, крайних оценок, упрощений, необходимости взвешенного, всестороннего подхода, уважительного поиска точек соприкосновения, рациональных зёрен в позициях, занимаемых другими.

Древнегреческое слово «φίλοσοφία» обычно переводят как любовь к мудрости. Однако было бы полезным пояснить, что современный смысл понятия мудрость появился несколько позже, а в те времена слово «σοφία» означало некий предельный уровень мастерства, можно сказать совершенства [2]. Поэтому удачным приёмом было бы начинать ведение дисциплины с этого пояснения, связывая философию со стремлением к совершенству в мышлении, в образе жизни, и проводя эту мысль через весь учебный курс.

Самокритичность, безусловно, не должна быть самоцелью, иначе она может сопровождаться неуверенностью, закомплексованностью, самоедством. Она должна иметь конструктивную цель в виде постоянной работы над собой, недостатками своего мышления и поведения, в виде непрерывного самосовершенствования. И в этом свете вышеприведённый приём хорошо справляется с выполнением данной функции. Современным студентам, сознание которых формируется под влиянием веяний культуры потребления, как никогда ранее свойственно видеть «соринку в чужом глазу», а в своём «не замечать бревна». Поэтому особенно важно дать понимание того, что «чтобы изменить мир вокруг, нужно начинать с самого себя», что все мы взаимозависимы и для достижения благоприятных условий в обществе каждый на своём месте должен вносить свой посильный вклад в развитие общества. И то того, насколько каждый на своём месте будет профессионален и добросовестен, прежде всего от этого зависит всеобщее благополучие.

В современных условиях углубляющегося морального нигилизма, когда встаёт вопрос о духовно-нравственном развитии личности, то возникает проблема о его ориентирах и критериях. Автор уже много лет разрабатывает метод, позволяющий выявлять объективные основы нравственности [3 и др.]. Поэтому, на наш взгляд, следует пояснять обучающимся, что, несмотря на то, что этические представления историчны, в самом фундаменте нравственности лежит логика, отражающая взаимосвязи и закономерности во взаимоотношениях между людьми. И по мере познания этих взаимосвязей, представления о должном становятся всё более глубокими и точными.

Другое качество, которое обычно ассоциируется с мудростью – это дальновидность [4, 32]. Преподаватель философии должен быть ориентирован ни на сиюминутные результаты и формальные критерии, а на воспитание и всестороннее развитие личностей, раскрытие их творческого потенциала, конструктивное влияние на их судьбу. И это не преувеличение, при правильной организации и подаче курса, обучающиеся уже к его окончанию начинают мыслить более зрело, системно и глубоко.

Чтобы привить дальновидность самим студентам, помимо развития системного мышления, способного выявлять не тривиальные взаимосвязи и закономерности, необходимо приводить примеры, касающиеся непосредственно возможности управления их собственной жизнью, показывать, что во многом возможно осознанное творение своей судьбы. Часто мы сами своими заблуждениями и недостатками притягиваем к себе проблемы или же наоборот подготавливаем путь для удач в будущем. То, какие мы сейчас во многом есть результат наших прошлых мыслей, устремлений, эмоциональных реакций и поступков. И прежде всего от этих заложенных нами же самими качеств, образа мыслей и зависит наше будущее. Мы сами ответственны за большую часть событий, которые происходят с нами, а порой и вокруг нас.

Современная молодёжь чаще руководствуется такими жизненными принципами и установками, что нужно жить «здесь и сейчас», не задумываясь о последствиях, «брать от жизни всё», «любить лишь самого себя», пренебрегая интересами других, зачастую осознанно используя других в своих корыстных целях. Необходимо пояснять на жизненных примерах, что если на коротких промежутках времени такие принципы являются очень удобным и в чём-то эффективным способом достижения счастливой жизни, то в долгосрочной они бывают чреваты завязыванием клубка проблем, которые обычно бывает уже не развязать за всю оставшуюся жизнь. И наоборот, важно показать, что жертвы настоящим ради будущего ни напрасны, что посеянное обычно рано или поздно всходит, пригождается, выручает в критических жизненных ситуациях, в ключевых моментах жизни.

Ещё одним качеством, которое связывают с мудростью, является стремление к умеренности [5, 116-118; 6, 304-305]. Преподаватель философии, пожалуй, как никто другой, сталкивается с дилеммой, которую впервые сформулировал Н. Бор. В нашем случае, она будет иметь следующий вид: чем более точно, научно излагать материал, тем менее он будет понятен и интересен для студентов, и наоборот, чем в более интересной и простой форме его подавать, тем больше придётся пожертвовать точностью и научностью в его

изложении. Каждый преподаватель по философии часто оказывается поставлен перед сложным выбором, предпочитая делать акцент либо на одном, либо на другом. На наш взгляд, здесь бесполезно искать «золотую середину» саму по себе. Важно лишь избегать крайностей, а исходить нужно из конкретной ситуации. В каких-то темах, моментах будет уместно сделать акцент на точности формулировок, а в каких-то перейти к более свободному, эмоциональному и увлекательному изложению. Во многом здесь нужно учитывать специфику аудитории: направление обучения, подготовленность и интерес к разного рода темам и т.д. Безусловно, нужно учитывать и настрой аудитории, для которой это может быть последняя пара после сложного дня, а также собственное состояние, чтобы чрезмерно не перегорать на работе.

В изложении материала было бы уместным учитывать самые ценные достижения из всех философских направлений, а не интерпретировать их все лишь с позиции одного из них. Современные научные открытия и проблемы предоставляют шансы на подтверждение, в той или иной мере, практически любого из них. Считаем было бы крайностями, например, исходить лишь из постмодернизма с его релятивизмом, агностицизмом и фрагментарностью, либо из жёстких рамок не всегда достаточно самокритичной марксистской философии. В то же время, хотя они и рассматриваются по отношению к друг другу непримиримыми врагами, на наш взгляд, они во многом взаимодополняют друг друга, и являются особенно ценным опытом философствования, если учитывать их взаимную критику.

В силу юношеского максимализма объяснить обучающимся необходимость стремления к умеренности во всём, разумность избегания крайностей весьма сложная, но, несомненно, важная задача. Сложно найти человека, который бы не совершал подобных ошибок не только в молодости, но и в более зрелом возрасте. О многих таких ошибках приходится в будущем сожалеть. А между тем, современное молодое поколение учат, что больше приходится сожалеть об упущенных возможностях, чем о совершённых ошибках. В этом, конечно, есть своё рациональное зерно, однако ошибки

ошибкам рознь и некоторые из крайностей могут довести до серьёзной беды. Мы жалеем об упущенных возможностях, лишь предполагая к чему бы они привели, не зная конечного результата наверняка. Риск оправдан только тогда, когда он осознан и соотнесён с возможными выгодами, сбалансирован.

Быть мудрым означает не только осознавать меру, связанную глубинными взаимосвязями и закономерностями жизни, но и согласовывать свою жизнь в соответствии с ними. А для этого нужен серьёзный стимул. Так, чтобы привить студентам стремление избегать крайности и развивать чувство меры, помимо показательных примеров из собственной жизни и жизни знакомых, подойдёт объяснение простых механизмов, указывающих на важность здорового образа жизни и правильного питания. Это можно объяснить через выработку мелатонина – гормона, способствующего глубокому и качественному сну, пояснив при этом значение сна для организма и ясности мышления, хорошей памяти; а также через выработку пищеварительных ферментов, способствующих поступлению в организм полезных микроэлементов и витаминов, необходимых для его жизнедеятельности, в частности, для качественного функционирования иммунной системы и мозга; или через соотношение полезных и вредных бактерий в кишечнике, во многом определяющих общее состояние организма, а значит, самочувствие и настроение человека, а также, как это было недавно доказано, его интеллектуальные способности [1].

Мудрость – это своего рода маяк на жизненном пути, помогающий выбирать правильное направление движения, избегая лишних проблем, расставляя верные приоритеты и принимая верные решения. Однако это скорее ни талант безусловного мудреца, и ни сам по себе богатый жизненный опыт, гарантирующий безошибочность решений, а искусство, мастерство поиска истины в конкретных жизненных ситуациях, умение правильно осмысливать и применять свой жизненный опыт, которые нужно постоянно подкреплять и совершенствовать. Научить мудрости невозможно, но можно придать развитию сознания нужный импульс и направление, сформировать необходимую для этого дисциплину мышления, сделать его более тонким, глубоким и взвешенным.

У курса философии есть все возможности, чтобы превратить занятия в творческую мастерскую, где происходит не только напряжённая умственная работа по развитию познавательных способностей, но и душевная работа по оттачиванию своих достоинств и критическому переосмыслению недостатков в своём образе мышления. Однако для этого курс должен быть настолько «живым», настолько приближенным к обстоятельствам современной жизни, учитывающим особенности мышления современных студентов, что затрагивать саму душу обучающихся, пробуждать музыку в их сердцах.

Итак, мудрость в преподавании философии, проявляется, с одной стороны, прежде всего, в дальновидном, самокритичном, взвешенном подходе, стремящемся уловить нужный баланс во всём, исходя из анализа особенностей конкретной образовательной ситуации, а с другой – в том, чтобы мотивировать обучающихся на развитие самокритичности, дальновидности и чувства меры. Полученные результаты исследования могут быть использованы при проведении занятий по данной дисциплине.

Список литературы

1. Барыльник Ю.Б., Шульдяков А.А., Филиппова Н.В., Рамазанова К.Х. Микробиом кишечника человека и психическое здоровье: состояние проблемы // Российский психиатрический журнал. 2015. №3. С. 30-41.
2. Долгих А. Ю. София и мудрость: смысл понятий и их влияние на восприятие философии // Вестник ВятГУ. 2014. №10. С. 24-36.
3. Коромыслов В.В. Подход к пониманию ответственности с позиции конкретно-всеобщей теории развития // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 433–444. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-3-433-444>.
4. Леонтьев Д. А. Возможность мудрости // Человек. 2011. № 1. С. 20-34.
5. Муздыбаев К. Исследование мудрости в погибших, древних и современных цивилизациях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 6. С. 113-130.

6. Петрунин А. М. Учение о середине – основа научной философии // Новые идеи в философии. 2007. № 16. С. 299-307.
7. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы : учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Гардарики, 2006. 384 с.
8. Эпштейн М. Н. От мудрости к философии - и обратно // Философские науки. 2011. № 11. С. 6-17.
9. Sabine Hossenfelder String Theory Meets Loop Quantum Gravity // Quanta magazine URL: <https://www.quantamagazine.org/string-theory-meets-loop-quantum-gravity-20160112> (Дата обращения: 23.12.2022).

УДК 340

ГРНТИ 00.09.

**ЭВОЛЮЦИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА
ИНСТИТУТА ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Мурзаibraимов Нурбек Бектемирович

доктор юридических наук, доцент.

Ошский государственный университет. Юридический факультет

murzaibraimov@bk.ru

Жусупов Болотбек Асанович

кандидат юридических наук, доцент.

Ошский государственный юридический институт.

Доцент кафедры уголовного права и процесса.

bolotbek1970@mail.ru

**THE EVOLUTION OF THE FORMATION OF THE CONCEPTUAL
APPARATUS OF THE INSTITUTE OF PRIVATE PROSECUTION IN THE
CRIMINAL PROCESS**

Nurbek B. Murzaibraimov

Doctor of Law, Associate Professor.

Osh State University. Faculty of Law.

ORCID 0000-0002-2590-3244

Bolotbek A. Zhusupov.

Candidate of Law, Associate Professor.

Аннотация: Институт частного обвинения в уголовно процессуальном законодательстве занимает определенное место. Дифференциация уголовного обвинения стала возможной после приобретения суверенитета Кыргызстаном. Национальное законодательство претерпело значительное изменение в содержательной части уголовного обвинения. Были имплементированы наиболее положительные опыты из зарубежного уголовно процессуального законодательства. Тем не менее, многие теоретические аспекты частного обвинения не исследованы полностью в отечественном законодательстве. Особенно понятийные аппараты, законодательное закрепление дефиниций частного обвинения.

Целью исследования является выявление особенностей причин и условий возникновения института частного обвинения и введение в научный оборот. Выявления наиболее присущих признаков частного обвинения, обобщение содержательных особенностей.

Методы исследования: в процессе исследования использованы общенаучные и частно-научные методы познания, в частности историко-правовой, формально-логические, системно-структурные методы.

Результаты исследования: в результате исследования обобщены наиболее характерные особенности причин и условий возникновения института частного обвинения в научном обороте, его теоретические концепции. Обозначены наиболее значимые характеристики института частного обвинения.

Ключевые слова: обвинение, публичное обвинение, частное обвинение, состязательность, уголовное преследование, потерпевший, жалоба, примирение сторон, частные интересы.

Abstract: The institution of private prosecution in criminal procedure legislation occupies a certain place. Differentiation of criminal charges became possible after the

acquisition of sovereignty by Kyrgyzstan. The national legislation has undergone a significant change in the content of the criminal charge. The most positive experiences from foreign criminal procedural legislation were implemented.

However, many theoretical aspects of private prosecution are not fully explored in domestic legislation. Especially the conceptual apparatus, the legislative consolidation of the definitions of private prosecution.

The purpose of the study is to identify the features of the causes and conditions for the emergence of the institute of private prosecution in scientific circulation. Identification of the most inherent features of a private accusation is a generalization of meaningful features.

Research methods: in the course of the research, general scientific and particular scientific methods of cognition were used, in particular, historical-legal, formal-logical, system-structural methods.

Research results: as a result of the study, the most characteristic features of the causes and conditions for the emergence of the institute of private prosecution in scientific circulation, its theoretical concepts are summarized. The most significant characteristics of the institute of private prosecution are indicated.

Keywords: accusation, public accusation, private accusation, competitiveness, criminal prosecution, victim, complaint, reconciliation of the parties, private interests.

До недавнего времени уголовный процесс в определенной степени зависел от усмотрения государственных органов.

В советской процессуально-правовой доктрине, пусть и формальной, индивидуальное обвинение в уголовном судопроизводстве не имело достаточного места. В уголовном преследовании преобладало государственное обвинение, а уголовное преследование по частному обвинению оставалось скрытым.

Советская юриспруденция преуменьшала значение частных интересов и публичных интересов, а ценным считала господство частных и публичных норм, ставя публичные интересы выше индивидуальных интересов, и считала, что нет

необходимости признавать частные интересы в качестве самостоятельной ценности в уголовном процессе.

Со второй половины XX века уголовное судопроизводство претерпело ряд существенных изменений. Эти процессы связаны с политическими, экономическими, общественно-историческими процессами в обществе, а в основе их лежат тенденции приоритета прав и свобод человека, демократизация социальных процессов, построение новой демократической правовой системы.

Данные изменения обусловили появление ряда новых институтов в уголовно-процессуальном судопроизводстве и способствовали пересмотру вопроса о преобладании государства в уголовном судопроизводстве. Уголовно-процессуальные правовые акты также претерпели существенные изменения за последние годы. Одним из таких изменений является институт частного обвинения в уголовно-процессуальном законодательстве.

Этот институт, является очень молодой отраслью в Кыргызстане, теоретические и методологические основы еще полноценно не исследованы отечественными учеными. Уголовному преследованию, основанному на деятельности государственных органов, уделялось большое внимание в исследованиях ученых, и мало внимания уделялось изучению уголовно-процессуальной деятельности частных лиц.

Мы полагаем, что данные обстоятельства обусловили актуальность исследования института частного обвинения в уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызстана.

Поскольку понятие «частное обвинение» входит в специальные юридические термины, определение его точного значения имеет особую значимость в практике правоприменительной и законотворческой деятельности в условиях правового государства.

Наряду с этим исследованием разработка категорий понятий, связанных с институтом частного обвинения, их значения и содержания не только создала ряд серьезных проблем, но и выявила отсутствие у ученых однородной концепции, методологии и научного подхода.

Прежде чем анализировать понятие частного обвинения, считаем целесообразным рассмотреть исторические формы обвинения и концепции его классификации в настоящее время.

По мнению В.Е. Гущева и А.С. Александрова, «формы уголовного преследования совпадают с историческими формами европейского судопроизводства. Именно поэтому историю уголовного процесса можно разделить на несколько этапов [1,160].

1. Подчинение публичного обвинения частному обвинению.
2. Подавление частных начинаний публичными начинаниями.
3. Обеспечение прав индивидуального участия лица при признании публичного процесса.

В классификации обвинений можно сделать два противоположных начала. По нему выделяют следующие его виды;

- как характерный признак вида обвинения;
- интерес, преследуемый этим обвинением;
- субъект, имеющий полномочия на его осуществление.

К древнейшей форме обвинения относится состязательное обвинение, то есть форма частного обвинения. Он служил общественным интересам, сосредоточившись на личных интересах частного обвинителя, перекладывая обвинения потерпевшему. Это обвинение имеет некоторые преимущества;

- во-первых, значительно облегчает работу государственных органов;
- во-вторых, дает потерпевшему право на удовлетворение своих естественных чувств.

Недостатки частного обвинения в данный период связаны со слабой структурой государственных органов. Позднее, с усилением роли государства в обществе, стали возрастать и публичные начала. Исторические документы свидетельствуют о том, что в ряде случаев усиление публичных обвинений приводило к инквизиционной форме.

Таким образом, публичное обвинение можно рассматривать двояко:

- (1) официальное служебное преследование;

(2) общественное обвинение, в этом случае в уголовном преследовании могли участвовать различные представители общества.

В настоящее время система юридических дефиниций не содержит понятия частного обвинения. Поэтому это задача разработки понятийного аппарата, его унификации и решения проблем методологического подхода.

Совершенствование института частного обвинения сыграет важную роль в дальнейшем развитии нормативно-правовых актов, в совершенствовании порядка регулирования частного обвинения, в разработке программ и в определении механизмов их обеспечения.

Самые ранние упоминания о частном обвинении можно найти в кодексах западноевропейских государств начала XX века. В то же время частное обвинение, имеющее достаточно длительную историю, не утратило своей актуальности до настоящего времени.

В большой советской энциклопедии понятие «частное обвинение» относится к отдельным категориям уголовных дел, которые возбуждаются только по жалобе потерпевшего, что оно может быть прекращено по обоюдному согласию потерпевшего и обвиняемого [2,234].

Согласно словарю Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, «частное обвинение есть производство по частным уголовным делам в особом порядке, установленном судом. Термин «частное обвинение» обычно относится к участию частных лиц в судебном преследовании и судебном преследовании обвиняемого[3.с.534].

Введение в научный оборот понятия частного обвинения характеризуется тем, что оно начало появляться в научной литературе в начале прошлого XX века. К ученым, введившим понятие в научный оборот, относится И.Я. Фойницкий. Он первым ввел понятие частного обвинения в работе «Курс уголовного судопроизводства» [4,34].

Уместно отметить, что свой вклад по введению в научный оборот частного обвинения внес и другой ученый В. К. Случевский. Он в своей работе «Учебник российского уголовного процесса» писал, что состязательное осуществление

уголовного судопроизводства обеспечивает защиту прав личности. Как подчеркивал В.К. Случевский, «состязательное начало составляет основу гражданского и уголовного судопроизводства» и поэтому развитие состязательного начала в процессе, в отличие от следственного начала, является вопросом правовой политики [5,65].

М.А. Чельцов в своей работе «Советский уголовный процесс» дал следующее понятие частного обвинения «обвинения по статьям, относящимся к определенному составу преступлений предусмотренных уголовным кодексом» [6,45].

Н.Н. Полянский в своем труде «Очерки общей теории уголовного процесса» трактует, что «обвинение в процессуальном смысле есть обращение к суду о признании обвиняемого виновным» [7,3].

И.М. Гальперин в своей работе «Об уголовном преследовании со стороны потерпевшего в советском уголовном процессе» рассматривал частное обвинение как достаточно неудачное понятие в юридической литературе и предлагал признать его обвинением, поддержанным потерпевшим [8,47].

М.С. Строгович, внесший значительный вклад в уголовный процесс, рассматривает частное обвинение «как форму уголовного преследования, поддерживаемую потерпевшим, которая может быть возбуждена только по жалобе потерпевшего, осуществлена им и может быть устранена в любой стадии уголовного процесса по соглашению сторон [9,101].

Мы полагаем, что данный взгляд более полноценно олицетворяет сущность частного обвинения.

Анализ эволюции становления института частного обвинения позволяет сделать следующие выводы;

- во-первых, частное обвинение тесно связано с публичным обвинением;
- во-вторых, регулирует определенную группу отношений;
- в-третьих, инициируется только по инициативе потерпевшего;
- в-четвертых, предоставляются возможности сторонам взаимного перемирия.

Частное обвинение как форма специального уголовного преследования, имеющая диспозитивное начало, деятельность по обеспечению официального обвинения в суде по категориям преступлений, определяемым в порядке, предусмотренном процессуальным законом, обладающим самостоятельностью волеизъявления потерпевшего или его представителей.

Для частного обвинения характерно следующее;

- наличие материально-правовой и процессуально-правовой природы;
- наличие состязательности в уголовном преследовании;
- наличие сферы личных интересов;
- самостоятельность от публичных обвинений в регулировании отношений;
- низкий уровень общественной опасности деяний, совершенных в отношении потерпевшего;
- рассмотрение возможности взаимного перемирия сторон;
- в оценке деяния, совершенного в отношении потерпевшего, необходимость выражения его субъективного мнения.

Список литературы

1. Гущев, В.Е. Александров, А. С. Народное обвинение в уголовном суде. Н.Новгород: НЮИ МВД РФ, 1998. С.-160.
2. Современный толковый словарь, БСЭ. 2003. С.-234.
3. Брокгауз Ф.А., И. А. Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Издательство Русское слово, 1996 г., 5547с. ОСР Палек, 1998 г. С.-534.
4. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.1. СПб., 1910. С.-34.
5. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1913. С.-65.
6. Чельцов-Бебутов М.А. Советский уголовный процесс. Харьков 1929. С.-45.
7. Полянский Н.Н. Очерки общей теории уголовного процесса. М.1927.С.-3.
8. Гальперин И.М. Об уголовном преследовании осуществляемом потерпевшим в советском уголовном процессе. Советское государство и право. М.1957. №10 С.47.
9. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958. С.-101.

**НЕЗАКОННЫЙ СОСТАВ СУДА, КАК БЕЗУСЛОВНОЕ ОСНОВАНИЕ
ДЛЯ ОТМЕНЫ СУДЕБНОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ КАССАЦИОННЫМ
СУДОМ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ**

Кривошеева Диана Александровна
магистрант 2 курса Юридической школы
Дальневосточного Федерального Университета,
Владивосток
Krivosheevadiana_D_99@mail.ru

**ILLEGAL COMPOSITION OF THE COURT AS AN UNCONDITIONAL
BASIS FOR CANCELING THE JUDICIAL DECISION BY THE COURT OF
CASSATION OF GENERAL JURISDICTION**

Diana A. Krivosheeva
2nd year master's student at the Law School
Far Eastern Federal University
Russia, Vladivostok
E-mail: Krivosheevadiana_D_99@mail.ru

Аннотация В статье рассматривается незаконный состав суда, как основание для отмены судебного решения кассационным судом общей юрисдикции. Так же выявлено что незаконный состав суда как основание к отмене судебного акта является «мертвой» нормой права, выделены три типичных случая нарушения правила о законном составе суда.

Ключевые слова: кассационный суд; незаконный состав суда; основания для отмены судебного решения; гражданское судопроизводство; безусловное основание для отмены судебного решения; федеральный закон; замена судьи; суд.

Annotation. The article considers the illegal composition of the court as a basis for the annulment of a judgment by a court of cassation of general jurisdiction. It was also revealed that the illegal composition of the court as a basis for the annulment of a judicial act is a “dead” rule of law, three typical cases of violation of the rule on the legal composition of the court are identified

Keywords: court of cassation; illegal composition of the court; grounds for annulment of the judgment; civil litigation; unconditional grounds for the annulment of the judgment; the federal law; replacement of a judge; court.

В отечественной процессуальной науке проблема оснований к отмене судебного акта была вынесена на обсуждение еще при принятии судебной реформы в середине 19 века. В 20 веке в судебной практике был установлен перечень оснований при которых суд вправе изменить или отменить судебное решение судом вышестоящей инстанции.

В действующей редакции ГПК РФ в ст. 379. 7 определен исчерпывающий перечень оснований для отмены судебных актов в результате допущенной судом процессуальной ошибки. В юридической литературе такие основания называют “безусловными”, поскольку их наличие влечет отмену судебного акта в любом случае. В специальной юридической литературе безусловными основаниями являются список запретов для суда нарушение которого влечет ничтожность судебного решения.

Одним из первых безусловных оснований, который влечет отмену судебного акта законодатель выделяет рассмотрение дела незаконным составом суда.

Ранее в 2007 году КС РФ в своих определениях указывал на то, что нарушение принципа подсудности свидетельствует рассмотрение дела в незаконном составе суда, которые применительно к положениям ГПК РФ являются безусловным основанием для отмены судебного акта. Так же если бы была нарушена подведомственность, то это являлось бы нарушением положений

Конституции РФ и ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, и являлось как рассмотрение дела в незаконном составе суда.

В современной правоприменительной практике одним из первых безусловных оснований к отмене судебного акта является «рассмотрение дела незаконным составом суда». Незаконный состав суда определяется, как дефект в организации судебного разбирательства. Законный состав суда является частью соблюдения общепризнанного мировым сообществом права на справедливое судебное разбирательство.

Под нарушением норм процессуального права, выразившимся в рассмотрении дела судом в незаконном составе (п. 1 ч. 4 ст. 379.7 ГПК РФ), с позиции Пленума Верховного Суда РФ следует понимать, например, следующие ситуации:

1. рассмотрение дела лицом, не наделенным полномочиями судьи;
2. рассмотрение дела судьей, который подлежал отводу по причинам, обусловленным предыдущим участием в рассмотрении этого дела в качестве прокурора, секретаря судебного заседания, представителя, свидетеля, эксперта, специалиста, переводчика; родством или свойством с кем-либо из лиц, участвующих в деле, либо их представителей, либо лиц, входящих в состав суда, рассматривающего дело.

Для выявления данного процессуального правонарушения суду необходимо обратить внимание на ст. 16 ГПК РФ на нарушения, допущенные при формировании состава суда .

Формирование законного состава суда как процесс, можно разделить на два этапа:

1. Распределение судебной нагрузки между судьями. В пункте 14 Основных принципов независимости судебных органов Генеральная Ассамблея ООН указывает, что распределение дел между судьями в судах, к которым они относятся, является внутренним делом судебной администрации [4,9].
2. Соблюдение правил о законном составе суда при рассмотрении конкретного дела.

По общему правилу указанному в Гражданском кодексе после принятия дела к производству состав суда остается неизменным. Произвольное изменение состава суда может привести к незаконному составу суда, что является безусловным основанием для отмены судебного акта. Позиция Конституционного Суда РФ склоняется к тому, что соблюдение правил замены должно поддерживать конституционные права каждого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

Согласно ст. 14 ГК РФ основаниями для замены судьи являются удовлетворение заявления об отводе или самоотводе судьи, прекращение или приостановление полномочий судьи, его длительное отсутствие ввиду отпуска, болезни, командировки и другим объективным причинам.

Документальное оформление замены судьи не нашло однозначного решения до 2022 года. Федеральным законом от 11.06.2022 N 179-ФЗ "О внесении изменений в статьи 14 и 157 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации" устанавливаются четкие правила для замены судьи. Данный Федеральный закон вносит поправки в ст. 14 и 157 Гражданского процессуального кодекса [3,1]. ГПК, в отличие от КАС, АПК и УПК не регламентировал процедуру замены состава суда и не содержал нормы о том, что рассмотрение дела, начатое определенным составом суда, должно быть окончено им же.

Данный федеральный закон устанавливает следующие нормы замены судей: гражданское дело, которое начал рассматривать один судья или состав суда, в будущем рассматривают они же; замена судьи допускается в случае отвода или самоотвода судьи, длительного отсутствия из-за болезни, отпуска, учебы, командировки, прекращения или приостановления полномочий или перехода к рассмотрению дела по правилам гражданского судопроизводства; если судью все же заменили, разбирательство начнется заново.

Как указывает И.В. Решетникова, вариантов процедур замены судьи и его оформления множество: это может быть распоряжение или определение, о замене судьи от председателя судебного состава [6,310].

В свою очередь, указанное выше основание к отмене судебных актов само по себе безнадежно устарело и в настоящее время носит не только архаичный, но даже скорее анекдотичный характер. Речь идет о следующем. Рассмотрение дела незаконным составом суда, как основание к отмене решения было рассчитано на применение его по отношению к судебным актам, принятым в коллегиальном составе суда. Ведь еще относительно недавно в судах общей юрисдикции дела рассматривались в составе профессионального судьи и двух народных заседателей. Данная норма регулировалась в советское время п. 1 ч. 2 ст. 308 ГПК РСФСР.

Так, Боннер А.Т. в своей статье «Основания к отмене судебных постановлений по гражданским и арбитражным делам должны быть приведены в соответствие с жизнью» приходит к следующему мнению: «В наши дни незаконный состав суда как основание для безусловной отмены решения встречается исключительно редко и носит скорее экзотический характер»[7,2]. Данную точку зрения подтверждает фактическая судебная практика.

При анализе практики кассационных судов общей юрисдикции за последнее время можно выделить три типичных случая нарушения правила о незаконном составе суда, которые ведут к отмене судебного акта:

1) Во-первых, фактическую замену состава суда без должного процессуального оформления и соблюдения требования о рассмотрении дела сначала.

Неправильное оформление замены судьи (отсутствие распорядительных документов, в частности определения, вынесенного по вопросу о замене судьи или состава суда, рассматривающего дело) также свидетельствует о незаконном составе суда. Незаконным составом суда следует признать и рассмотрение дела судьей, которому дело не распределено или который не включен в состав суда.

2) Во-вторых, повторное участие судьи в рассмотрении дела вопреки требованиям ГПК РФ.

Привлечение судьи к рассмотрению дела, которое он вел ранее, возможно при отмене ранее принятого решения суда указания на необходимость

осуществить рассмотрение дела новой коллегией судей. По мнению вышестоящих судов, данное обстоятельство не относится к "обстоятельствам, вызывающим сомнение в объективности и беспристрастности".

Ранее Конституционный Суд РФ уже приходил к выводу применительно к судьям кассационной инстанции: то обстоятельство, что судья ранее принимал участие в рассмотрении кассационной жалобы в судебном заседании суда кассационной инстанции, само по себе не свидетельствует о его пристрастности при участии в новом рассмотрении того же дела в суде той же инстанции (Определение Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2019 г. N 1013-О) [4].

Так определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 5 марта 2020 г. N 88-3311/2020[4], в котором коллегия выразилась так: «...судьи судебной коллегии ранее рассматривали иные гражданские дела в апелляционном порядке с участием тех же сторон, само по себе, в отсутствие иных доказательств, не может расцениваться, как объективно оправданные сомнения по поводу беспристрастности суда».

3) В-третьих, нарушение судом права на отвод.

Рассматривая следующий случай такой как нарушение права на отвод, которое может повлечь рассмотрение дела в незаконном составе суда. Так, Мазюк Р.В полагает, что «...Отказ суда рассмотреть отвод заявленный судьей... означает с высокой степенью вероятности дальнейшее рассмотрение дела незаконным составом суда...»[8,9]. Данная норма регулируется ст.16 ГПК РФ. Заявленный отвод судьей решает тот же судья при единоличном рассмотрении, и большинством голосов - при коллегиальном. Данная норма весьма противоречива, так как принцип независимости и беспристрастности при рассмотрении вопроса об отводе был принесен в жертву соображениям процессуальной экономии и сокращения сроков судебного разбирательства. Для лица, который участвует в деле, право на заявление отвода имеет существенные ограничения: основания отвода указаны в законе и должны быть мотивированы, отвод должен быть заявлен до начала рассмотрения дела по существу, а в ходе рассмотрения дела подача заявления об отводе допускается только в том случае,

если об обстоятельствах, дающих основание для отвода, стало известно в ходе рассмотрения дела по существу.

Институт отвода (самоотвода) судьи урегулирован весьма поверхностно и имеет в жизни негативное значение. Основная его проблема - оценочный характер оснований к отводу (самоотводу). Лица, участвующие в деле и суды могут по-разному расценивать наличие (отсутствие) конфликта интересов, заинтересованность или зависимость судей от участников спора, поведение судьи в процессе. В настоящее время судьи (участники спора) не имеют ориентиров для разграничения ситуации реального конфликта интересов и мнимого.

Нарушением принципа формирования состава суда, который приводит к незаконному составу суда является ситуация, при которой судья не известил участников дела о возможном конфликте интересов, например, когда в деле участвует организация, где раньше работал судья, или работает член семьи судьи. Например: В определении от 31 октября 2019 года № 8Г-91/2019 кассационный суд обратил внимание на факт личного знакомства судьи с близкими родственниками ответчика, а именно с судьей, ранее длительное время занимавшим должность председателя другого суда и являющегося двоюродным братом ответчика, а также с действующим мировым судьей, приходящейся матерью истицы. В данном примере четвертый кассационный суд общей юрисдикции указал на корпоративные узы как на основание сомнений, что привело к отмене судебного решения.

В результате вышеизложенного хочется отметить, что незаконный состав суда как основание для отмены судебного решения кассационным судом общей юрисдикции все же является “мертвой нормой” о чем свидетельствует не распространенная судебная практика. Это связано с тем, что ранее данное основание к отмене решений было рассчитано на применение их по отношению к судебным актам, принятым в коллегиальном составе суда. Где еще относительно недавно дела рассматривались в составе профессионального судьи и двух народных заседателей, что не актуально в настоящее время.

Список литературы

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. "Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации" от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 14.07.2022)/"Собрание законодательства РФ", 18.11.2002, N 46, ст. 4532,
3. Федеральный закон от 11.06.2022 N 179-ФЗ "О внесении изменений в статьи 14 и 157 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации"
4. Определение Конституционного Суда РФ от 25.04.2019 N 1013-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Абрамовой Раисы Андреевны на нарушение ее конституционных прав статьей 17 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации" // Определение КС РФ от 25.04.2019 N 1013-О (legalacts.ru) (дата посещения:07.08.2022 года).
5. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.05.2020 № 88-5333/2020//Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.05.2020 № 88-5333/2020 (дата посещения: 08.08.2022 года).
6. Абознова О.В.:Практика применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации / О.В. Абознова, Н.Г. Беляева, Ю.С. Колясникова и др.; отв. ред. И.В. Решетникова. 5-е изд., перераб. и доп. М. Юрайт, 2018. С. 480.
7. Боннер А.Т. Основания к отмене судебных постановлений по гражданским и арбитражным делам должны быть приведены в соответствие с жизнью // Вестник гражданского процесса. 2018. No 5. С. 11–31.
8. Мазюк Р.В., Рукавишников П.П. Процессуальный интерес суда в рассмотрении заявленного ему отвода после начала судебного следствия // Российский судья. 2018. No 7. С. 7–11.
9. Баринаова О.В.:Безусловные основания отмены или изменения судебных актов в гражданском процессе/О.В.Баринаова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. С 157-162.

10. Гаджиалиева Н.Ш.: О безусловных основаниях отмены судебных актов в кассационном производстве / Н.Ш.Гаджиалиева; Д.М.Атаева // Закон и право. 2020. С. 66-68.
11. Дамбаева И.В.: Особенности кассационного производства в гражданском процессе Российской Федерации / И.В. Дамбаева; Курманбаев М.М.// Сибирское юридическое обозрение. 2019. С. 91-95.
12. Шуваткина, Ю. Н. Кассационное производство в гражданском процессе Российской Федерации [Электронный ресурс] : учеб. пособие / Ю. Н. Шуваткина ; [под ред. Е. А. Трещевой] ; Федер. агентство по образованию, Самар. гос. ун-т, Юрид. фак., Каф. гражд. процесс. и предпринимат. права. - Самара : Универс групп, 2007.

УДК 340.114.6

ГРНТИ 10.17.65

**АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА
ПРАВОНАРУШЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ МИГРАНТАМИ: ПРОБЛЕМА
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ**

Александр Александрович Иванов

кандидат юридических наук, доцент ФГБОУ ВО
«Тольяттинский государственный университет» г. Тольятти
ale_iv@mail.ru

Дарья Александровна Предбанникова

бакалавр 2 курса ФГБОУ ВО
«Тольяттинский государственный университет» г. Тольятти
predbannikova00@bk.ru

**ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR OFFENSES
COMMITTED BY MIGRANTS: THE PROBLEM OF
INSTITUTIONALIZATION**

Alexander A. Ivanov

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Federal State Budget Educational
Institution of Higher Education
Togliatti State University, Togliatti

Daria A. Predbannikova

2nd year bachelor FSBEI HE
Togliatti State University, Togliatti
predbannikova00@bk.ru

АННОТАЦИЯ

Миграционные процессы занимают свое важное место среди глобальных проблем современности, с которыми они находятся в неразрывной связи. Масштабные вооруженные конфликты. Нелегальный оборот оружия, торговля людьми, экологические кризисы – эти и другие проблемы либо обуславливают проблему миграции, либо миграционными процессами поддерживаются. Миграционный процесс затрагивает практически все сферы жизни современного общества – социальную, экономическую, политическую. Незаконная миграция влечет угрозу внутренней безопасности государства, стабильности общества, а также правам и законным интересам каждой отдельной личности. Кроме того, незаконная миграция способствует росту преступности. В связи с этим большое значение имеет определение понятия «миграционные правонарушения», а так же выделение их видов. В статье определено понятие «миграционное правонарушение», рассматривается проблематика административной ответственности за миграционные правонарушения, а также предложены меры по совершенствованию законодательства, предусматривающего ответственность за миграционные правонарушения.

ABSTRACT

Migration processes occupy an important place among the global problems of our time, with which they are inextricably linked. Large-scale armed conflicts. Illegal arms trafficking, human trafficking, environmental crises – these and other problems either cause the problem of migration, or are supported by migration processes. The migration process affects almost all spheres of life of modern society – social, economic, political. Illegal migration entails a threat to the internal security of the State, the stability of society, as well as the rights and legitimate interests of each individual. In addition, illegal migration contributes to the growth of crime. In this regard, the definition of the concept of "migration offenses", as well as the allocation of their types, is of great importance. The article defines the concept of "migration offense", examines the problems of administrative responsibility for migration offenses, and also suggests measures to improve legislation providing for responsibility for migration offenses.

Ключевые слова: административная ответственность, правоотношение, правонарушение, мигрант, миграция, миграционное правонарушение.

Keywords: administrative responsibility, legal relationship, offense, migrant, migration, migration offense.

Введение

Глобальный кризис, с которым в настоящее время столкнулась цивилизация, имеет множество своих составляющих, находящихся в отношениях взаимной связи и взаимной обусловленности. К числу наиболее острых проявлений подобного глобального кризиса, самым непосредственным образом затрагивающих жизнь обывателя, относится распространение и рост миграции. Несмотря на то, что миграция была свойственна глобальному человеческому обществу на протяжении всей его истории, уровень миграции, наблюдающийся в последние годы, является необычным. Он напоминает великие переселения народов в древности, в рамках которых миллионы человек перемещались на сотни и тысячи километров. В связи с подобного рода перемещениями могут исчезнуть одни страны и народы (население которых станет настолько «разряженным», что уже не сможет поддерживать свою общность и государственность) а культура других стран и народов может претерпеть необратимые изменения, столкнувшись с массовым перемещением носителей иной картины мира и иных культурных ценностей.

В настоящее время острый миграционный кризис претерпевает Европа, растет подобного рода опасность и в Российской Федерации; поток мигрантов нашу страну традиционно велик, а в последнее время он дополнительно увеличился в связи с кризисом на Украине и началом специальной военной операции. В данном случае в общем количестве лиц, перемещающихся на территорию Российской Федерации, могут находиться приверженцы экстремистских взглядов и даже сторонников осуществления политической борьбы террористическими методами. Российское государство должно системным и сбалансированным образом противодействовать подобного рода

угрозе; большое значение в данном случае может принимать институт административной юридической ответственности.

Проведенный анализ научной литературы показывает, что в настоящее время исследование правонарушаемости мигрантов проводится достаточно часто. Современными учеными анализируется деятельность органов внутренних дел по противодействию миграционным правонарушениям [4], рассматриваются вопросы обеспечения и защиты прав человека при реализации наказания за их совершение [5], делаются попытки осуществлять сравнение между отдельными видами миграционных правонарушений [7].

Увеличивается и законодательная база, существующая в этом отношении и предполагающая, например, обязательный учет мигрантов, находящихся в Российской Федерации [3].

Теоретические проблемы в данном случае оказывают непосредственное влияние на правоприменительную практику в том отношении, что отсутствие легального определения понятия «правонарушение» обуславливает также и отсутствие понятия «миграционное правонарушения», как одной из разновидностей правонарушений. А уже данное обстоятельство может оказать самое негативное влияние на правотворческую и правоприменительную практики, в этом отношении существующие.

Целью настоящего исследования является формализация понятия «миграционное правонарушение» и определение их видов с точки зрения института административной ответственности.

В качестве задач исследования выступают рассмотрение общего понятия правонарушения с точки зрения литературы по теории права и формулирование на основе имеющихся в данном отношении дефиниций специального определения правонарушения миграционного.

Методы

В рамках данного исследования будет сделана попытка рассмотрения лишь одного из направлений (механизмов) противодействия правонарушениям,

совершаемым мигрантами, которое предусматривается административным законодательством. В исследовании использовался статистический метод, а также метод сравнительного правоведения.

Результаты

В настоящее время в законодательстве присутствует необъяснимый пробел – несмотря на то, что понятие правонарушения является определяющим для любой отрасли права, на законодательном уровне данное понятие не закреплено. Соответствующее определение было дано законодателем в юридической литературе, где оно, как правило, является общим для всех правонарушений вне зависимости от их отраслевой принадлежности. Правонарушениям присущ ряд признаков: они предполагают деяние в форме действия или бездействия; вину субъекта, их совершающего (в форме умысла или неосторожности); противоправность; вредные последствия; причинную связь между деянием и вредными последствиями; наступление юридической ответственности. Все правонарушения характеризуются своей вредоносностью, а самые общественно опасные правонарушения, называются преступлениями.

Р.Л. Хачатуров дает следующее определение: «Правонарушение – это произвол безответственных индивидов, выражающийся в форме виновного деяния деликтоспособных субъектов, нарушающих правопорядок и причиняющих вред для устоев данного общества» [9, 10] .

В сущностном плане миграционные правоотношения и правонарушения вытекают из общих понятий «правоотношение» и «правонарушение». Правонарушения тесно связаны с правоотношениями. Под правоотношениями понимаются отношения между субъектами, которые порождают права одной и обязанности другой сторон и наоборот, правоотношения могут порождать правонарушения [8, 259]. В контексте миграционных правоотношений их субъектом выступает иностранное лицо, лицо без гражданства, беженец. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 г. №115-ФЗ закрепляет понятие «иностраный

гражданин», под которым понимается физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации, имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства. ФЗ №115-ФЗ закрепляет также, что для целей, предусмотренных этим федеральным законом под «иностранном гражданином», можно подразумевать «лицо без гражданства» [2]. Важно отметить, что на территории Российской Федерации в отношении иностранных граждан действует национальный режим, что означает применение законодательных норм к иностранным гражданам наравне с гражданами РФ. Хотя в данном случае есть и определенные ограничения их прав сравнительно с правовым статусом граждан Российской Федерации. Но подобного рода ограничения незначительны и касаются преимущественно лишь отдельных политических прав таких субъектов (к примеру, они не обладают избирательными правами, имеют некоторые ограничения в праве собственности, например, на земли сельскохозяйственного назначения). К иным ограничениям подобного рода можно отнести, например, запрет иностранным гражданам приобретать в собственность землю сельскохозяйственного назначения.

Т.Я. Хабриева отмечает, что миграционные правоотношения могут возникать по поводу трудовой миграции, пересечения государственных границ в целях постоянного или временного проживания и определяет субъектов подобного рода правоотношений, как мигрантов [6, 60].

На основе общего понятия «правонарушение» можно дать определение термину «миграционное правонарушение». В конструкции состава правонарушения выделяются четыре обязательных элемента: объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона. Можно отметить, что миграционное правонарушение отличается от других правонарушений субъектом, который является участником миграционного процесса, в роли которого могут выступать иностранные граждане, лица без гражданства, беженцы. Таким образом, миграционное правонарушение – это виновное, общественно-вредное, противоправное деяние, совершенное участником миграционного процесса.

По статистическим данным, представленным на официальном сайте МВД России, можно проследить динамику изменения количества преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства в период пандемии. Так, в 2019 году количество совершенных преступлений иностранными гражданами и лицами без гражданства составило 34917, в 2020 году, когда действовали карантинные ограничения при пересечении сухопутных и водных границ России для борьбы с пандемией коронавирусной инфекции совершено 34400 преступлений, что на 1,5 % меньше в сравнении с 2019 годом. За 2021 год, когда ввели послабление ограничений совершено 36420 преступлений, что на 5,9 % больше, чем в 2020 году. За январь - октябрь 2022 года совершено 34104 преступления, что на 10,6 % больше, чем за аналогичный период 2021 года [10]. Проанализировав статистику, можно сделать вывод, что в период эпидемиологических ограничений на территорию Российской Федерации прибыло меньшее количество иностранных граждан, что повлияло на снижение уровня совершенных преступлений с их участием. Необходимо отметить, что любые беженцы, в том числе и беженцы с территории Украины обладают другим культурным кодом, что обуславливает риски анонии, правового нигилизма, а, следовательно, роста миграционных правонарушений в будущем.

Рассмотрим отраслевые виды подобных правонарушений, уделив особое внимание ответственности административной, как наиболее оперативному виду юридической ответственности, позволяющему максимально быстрым образом реагировать государству на нарушение установленных миграционных правил.

Административная ответственность за совершение миграционных правонарушений предусмотрена в главе 18 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [1]. В данном случае можно говорить о наличии следующих составов административных правонарушений, применяемых в отношении мигрантов.

- ч. 2 ст. 18.1 КоАП РФ – нарушение правил въезда через границы Российской Федерации;

- ч. 1.1 ст. 18.2 КоАП РФ – нарушение правил въезда или прохода в пограничную зону Российской Федерации, режима пребывания или передвижения лиц и транспорта;
- ч. 2 ст. 18.4 КоАП РФ – нарушение режима в пунктах пропуска через границы Российской Федерации;
- ст. 18.8 КоАП РФ – нарушением иностранным гражданином правил въезда, пребывания (проживания) на территории Российской Федерации. Специфика данной статьи обусловлена тем обстоятельством, что в данном случае санкции по частям 1, 2, 3 статьи предусматривают наказание в виде административного штрафа от 2000 до 5000 с применением административного выдворения или без него; по ч. 1.1 применяется штраф в той же сумме с административным выдворением; сумма штрафа за совершение правонарушения в городах Москва, Санкт-Петербург или Московской либо Ленинградской области составляет от 5000 до 7000 рублей, при этом по ч. 3 предлагается альтернатива применения административного выдворения, а по частям 3.1, 4, 5 применяется административный штраф с административным выдворением;
- ст. 18.10 КоАП РФ – незаконное осуществление трудовой деятельности иностранным лицом;
- ст. 18.12 КоАП РФ – нарушение беженцем правил проживания (пребывания) на территории РФ;
- ст. 18.18 КоАП РФ – нарушение правил, связанных с исполнением решения об административном выдворении;
- ст. 18.20 КоАП РФ – нарушения срока обращения за патентом.

Административные санкции по указанным правонарушениям представлены штрафом, а также административным выдворением за пределы территории Российской Федерации.

Указанное обстоятельство позволяет говорить о том, что в нашем государстве в настоящее время был сформирован отдельный (обособленный)

институт административной ответственности за нарушение миграционных правил и норм.

Обсуждение

Рассмотрение существующих правоотношений и правонарушений в сфере миграции, позволило сформулировать определение термину «миграционное правонарушение». Определены виды административных правонарушений в сфере миграции. Как уже отмечалось, субъектами миграционных процессов выступают иностранные граждане, лица без гражданства и беженцы. Миграционные процессы порождают значимые юридические последствия.

Можно прийти к выводу, что в настоящее время существует значительная проблема роста правонарушений, совершаемых мигрантами. Об этом свидетельствует анализ статистических данных. Несмотря на существующие меры противодействия миграционным правонарушениям и преступлениям, количество подобного рода противоправных проявлений увеличивается. Действующая система миграционного законодательства направлена с одной стороны на поддержание правопорядка и общественной безопасности, а с другой – на соблюдение общепризнанных прав и свобод человека и гражданина. Необходимо найти баланс между противодействием незаконным миграционным процессам и соблюдением прав и свобод человека, в том числе, иностранца.

Для снижения уровня миграционных правонарушений считаем необходимым ввести эффективную систему борьбы с ними. В качестве действенной профилактической меры может выступить создание базы биометрических данных, пребывающих на территорию Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства. Следующая предлагаемая нами мера — это совершенствование миграционного законодательства, в котором наравне с понятиями «иностранец», «вынужденный переселенец», «беженец», «лицо без гражданства» необходимо закрепить понятие «мигрант», тем самым определить субъекта миграционного процесса, к числу которых относятся иностранные граждане, лица без гражданства и беженцы, и предусмотреть

ужесточение наказания за совершение ими правонарушений в сфере незаконной миграции.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/

2. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/

3. Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 июля 2006 г. N 30 ст. 3285

4. Дорошенко О. М. Взаимодействие и сотрудничество органов внутренних дел по противодействию миграционным правонарушениям лиц, не достигших совершеннолетия / О. М. Дорошенко // Миграционное право. – 2017. – № 2. – С. 38-40.

5. Евсикова Е. В. Некоторые вопросы обеспечения и защиты прав человека в административно-деликтных отношениях в сфере миграционных правонарушений / Е. В. Евсикова // Океанский менеджмент. – 2022. – № 1(15). – С. 11-16.

6. Миграционное право: сравнительно-правовое исследование: монография / Хабриева Т.Я. М.: ИГиСП, Юриспруденция, 2019. Хабриева Т.Я. Миграционное право: сравнительно-правовое исследование: монография / Т.Я. Хабриева. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019. — 400 с

7. Петров И. В. Административная ответственность физических лиц за миграционные правонарушения (правовой анализ) / И. В. Петров // Военное право. – 2021. – № 1(65). – С. 89-95.

8. Правонарушения в современной правовой реальности [Текст] : монография / под редакцией доктора юридических наук, профессора Р. Л. Хачатурова. - Москва : Юрлитинформ, 2019. - 513 с.

9. Правоотношения в современной правовой реальности: традиционные подходы и новые концепции [Текст] : монография / [Хачатуров Рудольф Леонович, Архипов Игорь Валентинович, Боголюбов Сергей Александрович и др.] ; под редакцией доктора юридических наук, профессора Р. Л. Хачатурова. - Москва : Юрлитинформ, 2019. – 460 с.

10. Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762>

УДК 340

ГРНТИ 10.07.01

**ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ И
ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ЮРИДИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ**

Александр Александрович Иванов

кандидат юридических наук, доцент ФГБОУ ВО
«Тольяттинский государственный университет» г. Тольятти

ale_iv@mail.ru

Снежана Сергеевна Малахова

юрист фармацевтической компании «Озон», г. Жигулевск

snezhana_malahova@mail.ru

**TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES AND LEGAL
PRINCIPLES: COMPARATIVE ANALYSIS OF LEGAL CATEGORIES**

Alexander A. Ivanov

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Federal State Budget Educational

Institution of Higher Education

Togliatti State University, Togliatti

Snezhana S. Malakhova

lawyer of the pharmaceutical company "Ozon" Zhigulevsk

snezhana_malahova@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Официальное закрепление законодателем перечня российских духовно-
нравственных ценностей в тексте нормативно-правового акта знаменует собой

новый этап в развитии российского права. Перечень ценностей должен выполнять важную роль в будущем правотворчестве и правоприменении и в настоящее время может рассматриваться как один из механизмов института стратегического планирования в государстве. Необходимо определить юридическое значение подобного рода ценностей, что позволит определить механизмы их дальнейшего использования. В рамках проведенного исследования указанные законодателем ценности предлагается рассматривать применительно к общесоциальным принципам права. Проведенный сравнительный анализ позволяет прийти к выводу, что рассматриваемые ценности продолжают ряд общесоциальных юридических принципов, которые уже были выделены законодателем ранее, таких как принципы гуманизма, справедливости и другие.

ABSTRACT

The official consolidation by the legislator of the list of Russian spiritual and moral values in the text of the normative legal act marks a new stage in the development of Russian law. The list of values should play an important role in future law-making and law enforcement and can currently be considered as one of the mechanisms of the institute of strategic planning in the state. It is necessary to determine the legal significance of such values, which will determine the mechanisms for their further use. Within the framework of the conducted research, the values indicated by the legislator are proposed to be considered in relation to the general social principles of law. The comparative analysis allows us to conclude that the values in question continue a number of general social legal principles that have already been highlighted by the legislator earlier, such as the principles of humanism, justice and others.

Ключевые слова: правовые принципы, стратегическое планирование, традиционные духовно-нравственные ценности, юридическая ответственность.

Keywords: legal principles, strategic planning, traditional spiritual and moral values, legal responsibility.

Введение

Исторически можно выделить две концепции правопонимания: право или является продуктом свободного творчества государства в лице его органов и должностных лиц, либо являет собой фиксацию норм традиций и морали, которые, будучи закреплены в тексте нормативно-правового акта, приобретают более стабильную и определенную форму.

Попыткой примирить подобного рода концепции является воззрение, в соответствии с которым исходящие от государства правовые нормы должны находиться в согласии с существующими в данном обществе нормами морали и нравственности. Подобного рода условие является необходимым, чтобы право и процесс его применения соответствовали не только требованиям легальности, но также и требованиям легитимности, что уже выходит за формальные рамки юридической формы и предполагает учет также и морально-нравственных ценностей, принятых в конкретном обществе.

Весьма показательным в данном отношении является Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», который был разработан на основе и в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [3].

Рассматриваемые в рамках данного исследования Основы, как указано в тексте данного документа, носят не общий, а специальный характер, затрагивая непосредственно сферу государственного управления стратегическим планированием и национальной безопасностью. Обеспечение защиты духовно-нравственных ценностей уже неоднократно рассматривалось в качестве цели ряда документов стратегического планирования, изданных Президентом Российской Федерации в последние годы, в связи с чем можно говорить о том, что Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 было принято решение привнести дополнительную конкретизацию в те отношения, которые уже существовали в нашем государстве ранее.

«Традиционная духовно-нравственная ценность», таким образом, становится категорией, которая в настоящее время приобретает самостоятельное юридическое значение, будет определять направленность процессов как правотворчества, так и правоприменения. Представляет интерес и является практически важным определением существующего положения духовно-нравственных ценностей в системе права, их иерархии и взаимодействия в системе юридических норм и институтов.

Целью данного исследования является анализ сущности духовно-нравственных ценностей и определение их возможного места в правовой системе России, в качестве задач в данном случае может выступать изучение действующих документов в сфере стратегического планирования, а также литературы по теории права.

Методы

В рамках данного исследования использовался общенаучный диалектический метод исследования явлений окружающей действительности в их взаимодействии, соперничестве и развитии. Свое применение нашел также формально-юридический метод исследования, посредством которого правовые принципы были рассмотрены как самостоятельные юридические категории, отличные от всех прочих правовых и социальных категорий.

Результаты

В рассматриваемом указе Президента РФ содержится легальное определение традиционных ценностей как нравственных ориентиров, влияющих на формирование мировоззрения граждан России и формирование единого культурного пространства, влекущих укрепление гражданского единства и т.д. В данном случае законодателем довольно подробно говорится о важности данных ценностей для населения России, но непосредственно о том каким образом данные ценности должны повлиять на процесс правотворчества или правоприменения здесь не сказано.

В приведенном перечне ценностей значатся «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и

ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [4].

Анализируя приведенный перечень можно отметить, что многие из данных категорий уже известны правоведам и зафиксированы в законодательстве в качестве правовых принципов. Так, например, Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» в статье 2 в качестве первого из названных принципов называет «соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина» [2], а Уголовный кодекс РФ в статьях 6 и 7 называет такие принципы, как справедливость и гуманизм [1]. Обозначены в законодательстве в качестве принципов и некоторые другие «традиционные ценности» (хотя и не все).

Все вышеуказанное позволяет сформулировать предположение, что в настоящее время «традиционные духовно-нравственные ценности» с точки зрения как их содержания, так и предполагаемой роли в области воздействия на процессы правотворчества и правоприменения, возможно, было бы логично определить как правовые принципы, а если точнее, то в качестве такой разновидности правовых принципов, как принципы общесоциальные.

С точки зрения общего понятия, принцип есть центральное понятие, представляющее обобщение и распространение каких-либо положений на все явления той области, из которой данный принцип абстрагирован [8, 461]. А.У. Алиев определяет принцип как содержащуюся в законодательстве в виде специфичных норм основополагающую идею, представляющую собой духовно-нравственные положения, выражающие сущность, природу и назначение правового института [5, 18].

Рассматривая правовые принципы (применительно к институту юридической ответственности) Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский предлагают подразделять их нравственно-юридические и специально-юридические [7, 306].

Схожего деления придерживается С.Д. Князев, который выделяет две группы принципов – общесоциальные, которые концентрируют в себе общие политические, экономические, нравственные начала правового регулирования, а также принципы специально-юридические, которые непосредственно касаются воздействия на правовые отношения [6, 70].

Выделение общесоциальных правовых принципов в данном случае предполагает, что соответствующие категории не являются только юридическими; в качестве социальных регуляторов и ориентиров они участвуют в регулировании и иных отношений в обществе.

Законодатель определяет традиционные ценности как нравственные ориентиры и это созвучно встречающимся в юридических исследованиях определениях, в соответствии с которыми правовые принципы целесообразно рассматривать как основополагающие идеи, начала, определяющие сущность и содержание права, его общую направленность на регулирование общественных отношений.

Традиционные правовые принципы также являются определенного рода идеями (например, гуманизм, индивидуализация ответственности, справедливость и так далее), которые могут найти свое выражение в деятельности государственных органов и их должностных лиц. В отношении ряда выделяемых традиционных ценностей, таких, например, как приоритет духовного над материальным или взаимопомощь, их непосредственная реализация в деятельности государственных органов представляется затруднительной, а содержание их выглядит достаточно аморфным. Представляется необходимость формирования соответствующей практики правоприменения и судебной практики, в рамках которых содержание подобного рода ориентиров было бы раскрыто.

Обсуждение

Можно прийти к выводу, что включение в российское законодательство перечня традиционных духовно-нравственных ценностей, безусловно, обогащает российское право, но также и вызывает много вопросов. Само

закрепление данных ценностей на уровне не закона, а подзаконного нормативно-правового акта способно вызвать неоднозначные оценки подобного рода решения. В отсутствие иных схожих категорий, в настоящее время духовно-нравственные ценности возможно отождествить с правовыми принципами, с некоторыми из которых наименование данных ценностей совпадает буквально. Это способно вызвать дополнительное развитие теории о правовых принципах, вызвать некоторую смену акцентов при раскрытии понятия подобного рода юридических категорий и обусловить их дополнительные дифференциации и классификации в будущем.

Возможно, однако, выдвинуть и серьезные возражения против такого рода подхода. Классический правовой принцип определяет особенности правоприменения и правотворчества, роль его заключается в регулировании деятельности субъектов права, а значение такой основополагающей юридической идеи, которая лаконичным образом была зафиксирована в названии правового принципа, превышает значение отдельной статьи нормативного акта. Можно говорить в данном случае, что правовой принцип может рассматриваться в качестве интегративной категории, некой «кристаллизации» действующих в государстве подходов к регулированию общественных отношений.

Традиционная ценность, в свою очередь, на основании принимаемых документов стратегического планирования, рассматривается теперь как новый объект правовой охраны. Несмотря на то, что подобного рода традиционные ценности были зафиксированы в нормативном акте, они не определяют деятельность государственных органов непосредственно, а лишь оказывают на нее косвенное воздействие, обуславливая необходимость для государства выделять дополнительные ресурсы, силы и средства для защиты традиционных ценностей, который в данном случае должны рассматриваться как явление, подлежащее правовой охране.

Таким образом, несмотря на частое тождество в названии правовых принципов и традиционных ценностей, а также их возможное определение, как

неких идей, влияющих на деятельность законодателя и правоприменителя, данные категории совершенно различны. В отличие от общесоциальных принципов права, которые опосредуют проникновение социальных норм в область юриспруденции, содержание традиционных ценностей изначально носит сугубо социальный характер, на который влияние юриспруденции представляется крайне незначительным.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954
2. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 января 2011 г. № 1 ст. 2
3. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 30 июня 2014 г. №26 (часть I) ст. 3378
4. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации, 14 ноября 2022 г. № 46 ст. 7977
5. Алиев А.У. Принципы юридической ответственности и проблемы их реализации: дис. ... канд. юрид. наук. – Махачкала, 2005. – 178 с.
6. Князев С.Д. Основы государства и права. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1992. – 172 с.
7. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: монография. – СПб.: Пресс, 2007. – 934 с.
8. Фролов И.Т. Философский словарь. – М.: Республика, 2001. – 719 с.

УДК 343.2; 343.01; 340.114.5

**НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В КИТАЕ, КОРЕЕ, ЯПОНИИ**

Иванов Александр Михайлович

канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории
государства и права Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
г. Владивосток
Ami_25.07@bk.ru

Корчагин Анатолий Георгиевич

канд. юрид. наук, профессор кафедры
конкурентного и предпринимательского права
Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
г. Владивосток

**ABOUT HISTORICAL FEATURES OF FORMING OF CRIMINAL LEGAL
CONSCIOUSNESS IN CHINA, KOREA, JAPAN**

Aleksandr M. Ivanov

Dr. of Law, Associate Professor
of the Chair of Theory & History of State and Law, Law School of FEFU,
Russia, Vladivostok

Anatoly G. Korchagin

Dr. of Law, Professor
of the Chair of Competition and Business Law, Law School of FEFU,
Russia, Vladivostok

АННОТАЦИЯ

Уровень преступности в разных странах, помимо прочего, связывают с уровнем правосознания населения той или иной страны. У наших дальневосточных соседей преступность многие годы сохраняет свою стабильность на достаточно низком уровне. В данной статье исследуется история формирования и развития уголовного правосознания у наших соседей, с целью выявления особенностей и сходных черт его становления. Авторы надеются, что результаты исследования могут обогатить опыт деятельности законодательных и правоохранительных органов нашей страны.

ABSTRACT

The crime rate in different countries, among other things, is associated with the level of legal awareness of the population of a particular country. In our Far Eastern neighbor countries, crime has maintained its stability at a fairly low level for many years. This article examines the history of the formation and development of criminal justice awareness among our neighbors, in order to identify the features and similarities of its formation. The authors hope that the results of the study can enrich the experience of the legislative and law enforcement agencies of our country.

Ключевые слова: история уголовного права; правосознание; уровень преступности; уголовное правосудие; законодательные органы; правоохранительные органы.

Keywords: history of criminal law; legal consciousness / awareness; crime rate; criminal justice; legislative agencies; law enforcement agencies.

Введение

Благодаря некоторому сходству культур и правосознания из-за приобщения к христианству в прошлом и России и Европы, мы относительно легко можем воспринимать те положения, которые сложились в уголовном праве законодательства западных стран. К исследованию же современного уголовного

права стран Дальнего Востока (КНР, Японии, Северной и Южной Кореи) подход с российской или западноевропейской меркой может привести порой к ошибочным выводам. Более того, Э.З. Имамов, например, считает, что невозможно понять механизм действия уголовного права, функционирования уголовной политики (КНР) без изучения старокитайской правовой традиции, правопонимания китайского народа [8, 24]. По мнению данного исследователя здесь как нигде первоначально необходимо вести поиск следов традиционализма в общей теории права, а точнее в правопонимании. Правильное раскрытие проблемы правопонимания в современном Китае, выделение в нем структурного элемента традиционализма не только подтвердило бы его существование, но и способствовало бы пониманию механизма действия отраслевых, и прежде всего уголовно-правовых норм. Такой подход к изучению традиций в уголовном праве является более продуктивным, нежели поиск совпадающих норм в современных кодексах и документах прошлого [8]. Отрасль уголовного права, можно согласиться, в максимальной степени несет в себе связь времен, ее принудительно-регулятивные качества отражают черты прошлого, когда, по мнению многих историков, волевое принуждение было доминирующим во взаимоотношениях между людьми. Аналогичное, по нашему мнению, можно сказать и о Японии и Корее, испытавших многовековое влияние китайской цивилизации.

Основы уголовного права Древнего Китая.

Уголовное право **Древнего Китая** отличало его большая развитость, по сравнению с правом Египта, Вавилона и Индии, по крайней мере на основании дошедших до нас источников. Что касается общих положений уголовного права, то отметим, что юридическая мысль Древнего Китая связывала понятие преступления с проявлением преступной воли человека, его низости, отсюда мера виновности и тяжесть наказания определялись характером духовного состояния виновного. Виды преступлений подразделялись на преднамеренные и непреднамеренные; преступления, совершенные с умыслом и без умысла; преступления, совершенные по ошибке. В зависимости от стадий совершения

преступлений проводилось различие между окончанным преступлением и покушением. Были известны различные участники преступления. В частности, различали организатора – лицо, которое замыслило преступление, спланировало его. Групповым считалось преступление, совершенное по предварительному сговору. Происходило формирование института смягчающих и отягчающих вину обстоятельств. Под воздействием распространения конфуцианского учения возникали требования оказывать почтение престарелым, проявлять сострадание к детям и т.д.

В «Книге правителя области Шан», ставшей на века классической для Китая, излагается концепция уголовной политики Китая того времени. Остановимся вкратце на ее сути, ибо это потребуется нам в дальнейшем для обоснования уголовной политики в наше время. В указанном сочинении, в частности, проводится идея, что правление должно быть требовательным к людям, должно направлять их к общей пользе и собственной выгоде, о которой они не всегда могут дать себе отчет, поэтому строгость наказания – один из безусловных приемов власти: «Люди по всей сути стремятся к порядку, однако действия их порождают беспорядок; потому там, где людей сурово карают за мелкие проступки, проступки исчезают, а тяжким просто неоткуда взяться». Строгость и неусыпный контроль – вот пути к благоденствию народа и государства, даже вопреки стремлениям самих людей: «В образцово управляемом государстве много наказаний и мало наград», ибо, для того чтобы сделать закон всемогущим, нет насущнее задачи, чем искоренение преступлений [16, 60]. Не правда ли, звучит весьма актуально?

Перечень преступлений, называемых источниками, огромен. В эпоху государства Чжоу насчитывалось 3000 различных преступлений. Отметим лишь некоторые категории из них: 1) государственные преступления (мятеж, заговор); 2) религиозные; 3) преступления против личности – убийства, телесные повреждения, клевета); 4) имущественные преступления – кражи, грабеж, убой чужого скота; 5) преступления против семейных устоев – непочтение к отцу, старшему в семье и др.; 6) воинские преступления – неявка к установленному

сроку на место сбора, не проявление мужества воином и др.; 7) должностные преступления, например, ответственность вышестоящих сослуживцев чиновника, совершившего ошибку и др.

Интересно, что как преступление рассматривались отказ от уплаты налога, а также пьянство, которое влекло за собой смертную казнь. Длительное время существовала кровная месть. Однако широкое использование системы телесных наказаний и смертной казни постепенно вытеснило этот обычай.

Основной целью наказания во времена Цинь является устрашение. Виды наказаний в различные периоды незначительно отличались друг от друга. Назовем некоторые из них: А) смертная казнь в самых разнообразных видах: поджаривание на огне, разрубание на мелкие части, обезглавливание (за 200 провинностей), закапывание живым в землю; Б) членовредительские наказания: отрезание носа (за 1000 различных провинностей), ушей, отрубание руки, ноги (за 500 провинностей), выкалывание глаз, кастрация для мужчин и превращение в рабынь-затворниц женщин (за 300 провинностей); В) штрафы, позволяющие отказаться от наказания; Г) тюремное заключение; Д) клеймение (за 1000 различных провинностей).

Кроме того, перечисляются наказания в виде битья палками, плетью и др. Суд в Древнем Китае не был отделен от администрации, судебные функции выполняли многочисленные представители государственного аппарата [1, 59-60].

Влияние китайской цивилизации на развитие уголовно-правовой мысли на Корейском полуострове и в Японии.

Известно, что жизнь человека протекает не только благодаря его собственным усилиям, а формируется и развивается в тесном взаимодействии с тем обществом, к которому он принадлежит. Из всех общественных институтов наибольшее влияние на человека, пожалуй, оказывают государство с имеющейся в нем системой соответствующего ему (государству) права и этническое сообщество. Именно то или иное государство представляет собой поле настоящей и будущей деятельности человека. А этническое сообщество есть

сформировавшаяся в процессе длительного исторического развития однородная национальная (в зависимости от стран - однопациональная или многонациональная – А.И.) общность людей, связанных между собой общей исторической судьбой. Именно внутри такого сообщества человек овладевает культурными и духовными традициями своего народа [25, 1].

Истоки корейской государственности и права связывают с происхождением, местонахождением и социально-экономической основой Древнего Чосона – первым политическим объединением, которое упоминается в сочинениях китайских авторов в связи с взаимоотношениями его с китайскими государствами древности. Однако источники того времени носят, в основном, характер легенд, мифов [10, 25]. Из-за отрывочности фактических данных в источниках немалые трудности представляет время формирования государственной власти в Древнем Чосоне. (3 век, а по некоторым данным еще раньше, до Р.Х. – 108 г. до Р.Х.). Исходя из сведений о существовании в Древнем Чосоне определенных законов или норм обычного права (так называемых восьми запретительных статей, предусматривавших наказание за убийство смертной казнью, за телесные повреждения – зерновым штрафом, а за воровство – превращением в раба того дома, где совершена кража), ученые КНДР сейчас делают вывод о том, что Древний Чосон представлял довольно развитое классовое (рабовладельческое) государство: «Законы Древнего Чосона представляли собой жесткие законы, защищающие абсолютную власть и интересы рабовладельцев» [10, 27].

По известным фактам можно утверждать, что власть правителей Древнего Чосона стала наследственной, а сам правитель жил в постоянной столице Вангамсон. Если считать достоверными китайские сообщения, то уже тогда существовала определенная иерархия должностных лиц, составлявших аппарат управления, были законы, каравшие за преступления против чужой собственности. В распоряжении вана (князя/короля/верховного правителя) находились значительные вооруженные силы и общественные запасы продовольствия и пр. Древний Чосон был первым в ряду политических

объединений (или государственных образований), возникавших среди корейских племен в результате постепенного разложения первобытнообщинного строя. Таким образом, на рубеже нашей эры корейские племена уже вступили в эпоху государственного строительства [10, 28-32].

Начиная со средних веков ситуация на Корейском полуострове характеризовалась достаточной нестабильностью. Благоприятное расположение корейских портов и наличие полезных ископаемых в Корее уже в то время постоянно привлекали взоры японцев. К середине XV в. хотя и установились некоторые торговые отношения с Японией, однако они постоянно таили в себе опасность агрессии. Именно поэтому Корея не проявляла интереса к расширению связей с Японией, о чем свидетельствовало прекращение отправки корейских посольств в Японию с 1479 г. С тех пор корейское правительство ограничивалось приемом регулярно прибывавших японских посольств. Каждый раз продвижение японских посольств (как, впрочем, и всяких других, в силу ориентации Кореи на курс самоизоляции) было обставлено строжайшими ограничениями.

С воцарением династии Ли (1392 – 1910 гг.) наибольшее значение для правителей Кореи имело урегулирование отношений с династией Мин, которая проводила традиционную великодержавную политику, рассматривая всех соседей Китая как вассалов, обязанных изъявлять покорность и платить дань. Однако официально Китай признал новую корейскую династию лишь в 1401 году, утвердив Тхэчжона в качестве «чосонского вана» и прислав ему соответствующую печать [10, 186]. В 1397 г. король Тхэчжон отдал распоряжения о том, чтобы все законы и указы со времен короля У в конце династии Корё до времени своего правления были собраны и опубликованы. Это было тщательно выполнено, после чего собрание и публикация законов в виде свода стали регулярным событием [24, 216-217]. Позднее свод был пересмотрен и опубликован заново в двух частях. Он известен под названием «Шесть Законов», в соответствии с шестью министерствами правительства. Кстати, такая традиция собрания и публикации действующего законодательства

сохранилась в Корее по сей день. И хотя в настоящее время количество министерств в правительстве выросло, однако название изданий наиболее важнейших законодательных актов сохранилось. Затем копии рассылались чиновникам по всей стране, получивших, таким образом, впервые полный свод законов, удобно организованный, на основании которых они должны были основывать свою работу.

Однако, свод «Шесть Законов» имел и некоторые недостатки. Многие старые декреты в связи с изменившейся политической ситуацией, оказались неуместными, а многие законы, составленные в разное время, противоречили друг другу. Кроме того, с течением времени были приняты новые законы, не включенные в сборник. Поэтому король Сечжонг в 1424 г. создал учреждение по пересмотру свода законов, результатом чего стало появление еще одного тома «Протоколы прецедентов». Через некоторое время появился третий выпуск, который также показался неудовлетворительным. Поэтому позднее предприняли еще один способ – вместо собирания законов по различным правлениям, их стали рассматривать как нечто целое, с классификацией по предметам. Наконец, в 1470 г. был обнародован новый свод законов, известный под названием «Кёнгкук тхэчжон». Он должен был стать основой всего Корейского права в течение нескольких последующих сот лет [24, 217]. Что особенно необходимо выделить в отношении истории права Кореи, так это то, что Большой свод законов династии Мин был усвоен Кореей целиком и полностью [17, 14]. В течение всего периода правления династии Ли в Корее китайский Большой свод династии Мин применялся в качестве общего справочного источника для корейского уголовного законодательства.

Корея является типичным восточно-азиатским государством, которое развивает и сохраняет конфуцианскую идеологию в своей семейной системе, философию морали и систему общественных ценностей. Конфуцианство пришло в Корею из Китая (оно было заимствовано еще в период Трех Царств в пятом веке от Р.Х.), хотя экономические условия сельского хозяйства и общественная система дальневосточного феодализма в прошлом внесли свой

вклад в развитие конфуцианства в Корее [15, 33-34]. По учению Конфуция основными отношениями в обществе являются семейные отношения, поэтому семейные ценности являются основными ценностями общества. Ведь именно семья занимается воспитанием детей и является местом, где используется философия морали.

В эпоху Троецарствия и династии Корё основные общественные ценности основывались на буддизме. В начале распространения конфуцианства в Корее его изучали и практиковали отдельные лица, в основном в кругах высших сословий. Однако, с воцарением династии Чосон (по фамилии императоров ее еще называют династией Ли), просуществовавшей с 1392 до 1910 гг., конфуцианское учение превращается в главные принципы всего государства и занимает место государственной религии (идеологии – А.И.). С начала правления последней династии Чосон одним из важнейших направлений в политике стало подавление буддизма и культивирование конфуцианства. Династия Чосон распространяла нео-конфуцианство Чу-цзэ из китайской династии Сунг. Центральным постулатом этого учения являются взаимоотношения отца с сыном, или, иначе, взаимоотношения старших с младшими [15, 34-35]. Почитание предков было одной из обязанностей сына.

Поскольку Большой свод династии Мин является кратким, но емким выражением китайской культуры, а также китайской среды, то повсеместное его применение в Корее на протяжении более 500 лет решающим образом ускорило усвоение китайской культуры в Корее [17, 14]. Вместе с тем, иногда те статьи Большого свода Мин, которые находились не в соответствии с изначальными законами Кореи, иногда опускались. Иногда же нормы этого свода применялись и без особого учета специфических условий страны. Таким образом, если дело касалось уголовных норм, то ссылка осуществлялась на китайский Большой свод династии Мин, тогда как общественный порядок регулировался корейскими законами, содержащими традиционные нормы. Это придавало и первоначальному своду законов соответствующую силу. Несмотря на то, что династия Ли направляла свои усилия на применение конфуцианских идей – в

политике, экономике и общественной жизни, культуре и всех иных областях, Корейский Свод законов, основанный на традиционном общественном устройстве, параллельно с усваиваемой китайской культурой, просуществовал более 500 лет как контраст новой конфуцианской идеологии, формируя тем самым уникальное корейское общественное устройство [17, 18].

Если посмотреть на отрасли права, связанные с обслуживанием производственных отношений в обществе, то можно заметить их весьма динамичное развитие. Меняются не только нормы, но весьма часто возникают и новые понятия. И это легко понять. Ведь с развитием производства постоянно изменяется, приспособляясь к нему и механизм распределения и обмена материальных благ. В отличие от этого, уголовное право оперирует понятийным аппаратом во многом одинаково пригодным для обществ, разделенных немалой временной дистанцией и даже с различным общественным устройством и экономическим укладом. Поскольку в уголовном праве речь идет всегда о еще более важном и ценном, чем производство. Речь идет в первую очередь о сохранении производителя и гарантиях существования общества, а затем уже – об охране также и производства. В этом плане уголовное право, действительно, можно сказать является более консервативным, чем другие отрасли права. Ибо жизнь человека и общества являются непреходящей ценностью и в равной степени нуждаются в защите, о каком бы обществе ни шла речь. Именно поэтому уголовное право в максимальной степени несет в себе связь времен [8, 25].

Помимо строгой централизации чиновничий аппарат Цинской империи имел специфическую особенность, унаследованную им от феодальной эпохи. Она состояла в том, что все должности в провинции, кроме губернаторской, можно было приобрести и за деньги. Поэтому неудивительно, что среди чиновников государственного аппарата Китая было широко распространено взяточничество. Взятки брали все... [22; 7] Во многом процветанию взяточничества в странах, испытавших на себе влияние конфуцианской идеологии государственного строительства, способствовали основы этой идеологии. В частности, в связи с тем, что государство рассматривалось как большая семья, то приношение

подарков старшим по положению, а не только по родству не только не считалось зазорным, но даже – необходимым атрибутом налаживания общественных взаимоотношений.

Губернаторы в старом Китае на своей территории обладали всей полнотой власти. Они издавали обязательные для населения постановления, осуществляли командование вооруженными силами, и осуществляли руководство всем многочисленным аппаратом управления провинций. За свою службу губернаторы имели право на часть налогов с населения провинции, которые шли в пользу императора. Каждый губернатор должен был отсылать в императорскую казну только определенную часть собранных налогов. Все, что собиралось сверх этого никем не учитывалось и оставалось у губернатора.

Важное место в системе китайских (и корейских) органов исполнительной власти занимало министерство церемоний, которое выполняло самые разнообразные функции. В первую очередь оно осуществляло духовную власть: заведовало храмами, осуществляло организацию празднеств и ведало делами общей благотворительности. Дважды в месяц народу через общения напоминались основные устои конфуцианской религии, где небо объявлялось верховным божеством, декларирующим свою волю человеку и проповедовались культ предков и преклонение перед прошлым, которое служило основами семейных и общественных устоев китайцев. Все законы и отношения между людьми предопределялись центральным понятием «жень» (гуманность), согласно которому во всем должна соблюдаться семейная и государственная иерархия, т.е. каждый человек должен занимать свое место в обществе. «Государь должен быть государем, поданный – поданным, отец – отцом, сын – сыном». С точки зрения Конфуция управлять – это значило ставить человека на свое место. Кроме указанного, к компетенции этого министерства относилось провозглашение законов и контроль за их соблюдением, толкование законов. Оно же ведало и вопросами внешних сношений Китая с другими странами.

Хотя в Китае во все времена существовало развитое законодательство, на формирование правосознания определяющее воздействие оказывали концепции

крупнейших философских школ, положения которых в отличие от закона характеризовались большей универсальностью в регулировании самых различных социальных связей. Данное качество, приносимое философией, настолько расширяет сферу действия китайского права, что не всегда удается обозначить границы взаимодействия правовых, с одной стороны, и моральных, нравственных и религиозных форм – с другой [8, 27]. В древнем Китае считали, что во взаимодействии закона и традиционалистских представлений не закон должен порождать справедливость, а, напротив, традиции при их строгом соблюдении могли вызвать к жизни справедливый порядок вещей и отношений. Первоначально добродетель и закон признавались как сосуществующие и в какой-то мере дополняющие друг друга средства регуляции и приемы управления, но не как взаимосогласованные или соответствующие друг другу однородные явления. Впоследствии эти явления взаимно сблизились.

Известно, что огромную роль в становлении традиций в странах Дальнего Востока, помимо всего прочего, сыграли такие учения как конфуцианство и буддизм. Отступление от конфуцианских правил морали и поведения признавалось «тяжелым преступлением» [Ср. аналогичное действие права и морали во Вьетнаме, который также претерпел влияние китайской цивилизации: 6, 22]. И, поскольку в такой ситуации техника неприкрытого властвования выступает вместо теории политической справедливости, закон рассматривается в этой системе только как орудие подавления, и главным его проявлением становится наказание. С течением веков господства конфуцианской идеологии в генофонд китайского (и корейского) национального правосознания прочно вошло представление о законе как орудии подавления, и поэтому всякий раз, когда применяли жесточайшие меры уголовно-правового воздействия, идея правления на основе законов компрометировалась. Одновременно регулятивные свойства конкретизированных этико-правовых нормативов возрастали; они во все большей мере наполнялись правовым содержанием. Произошло то, что называют «превращением морали в право, а права в мораль». Главный постулат китайского права строится на аксиомальной предпосылке о том, что лицо может

совершать только такие действия, которые отвечают принципам морали. Если же в силу некоторых причин субъект имеет склонность к неморальным действиям, это вызовет решительное противодействие окружающих индивидов, в сильнейшей степени наделенных моральными представлениями и, таким образом, социально-ситуационное напряжение, могущее вызвать коллизии интересов и соответственно влекущее вмешательство властей с неизбежным в таких случаях применением уголовного права, снимается в самом начале, на уровне указанного правового образования, в результате его непосредственного воздействия. Для китайского сознания совершение аморальных проступков расценивалось уже как величайший грех, и этот фактор служил надежным профилактическим средством недопущения перерастания подобных деяний в преступные.

Таким образом, если субъективное право для европейца это сфера юридической свободы, мера юридической возможности, обеспечиваемая юридическими обязанностями и охраной со стороны государства, то субъективное право для китайца – это главным образом сфера моральной свободы, мера моральной возможности, обеспечиваемая моральными обязанностями и охраной со стороны общества, коллектива, микросоциальной среды и каждой личности в отдельности [8, 29-35]. Право Китая, как и всю общественную мысль страны, пронизывает идея воспитания личности, от которой требовалось не внешнее законопослушание, а внутренняя убежденность в правоте определенной модели поведения, навязываемой обществом. Конфуций рассматривает государство как большую семью во главе с императором-отцом. О доминирующем положении конфуцианства в уголовном праве Китая говорит то, что только оно решало важнейшие вопросы криминализации деяний. Во всех уголовных уложениях Древнего Китая на втором месте в классификации преступлений после покушения на императора и его родственников располагались преступления, посягающие на устои семьи.

Лозунг современного правоведения Китая «учиться у древности» вовсе не предполагает изучения текстов законов ранних обществ. Данный призыв

содержит задачу куда более сложную – постижение сущности всей системы социального нормативного регулирования, механизма ее функционирования, соотношения всех ее составных элементов и с правом в частности. Здесь можно еще раз подчеркнуть, что и в современной Корее приходят к выводу, что нет никакого смысла разрушать веками складывающийся, не имеющий аналогов, эффективно работающий механизм регуляции жизненных процессов корейского общества, в котором и по сей день специфические юридико-технические черты традиционного права со слабо развитым нормативным началом демонстрирует большое преимущество гибкостью правового регулирования, близостью к фактическим отношениям. По нашему мнению, именно такая ситуация в развитии права в Китае, равно как и в Японии и на Корейском полуострове способствует тому, что в данных странах наиболее легко адаптируется так называемый «социально-правовой контроль» над преступностью [5]. Посмотрим, например, на положения ст. 12 Конституции Японии (1947 г.), где говорится, что «свободы и права, гарантируемые народу Конституцией, должны поддерживаться постоянными усилиями народа. Народ должен воздерживаться от каких бы то ни было злоупотреблений этими свободами и правами и несет постоянную ответственность за использование их в интересах общественного благосостояния»¹.

На наш взгляд, процесс создания и в КНДР и в Республике Корея правовой системы нового типа, соответствующей изменившимся социально-

¹ Конституция Японии/ Конституции зарубежных государств. Учебное пособие. – М.: БЕК, 1997. С. 443. Сравни, например: Сурия Пракаш Синха утверждает, что в Японии существует твердое мнение, что дело управления страной должно быть отдано влиятельному меньшинству. *Обращение к закону считается постыдным делом.* Считается, что право должно применяться только к деперсонализированным делам, относящимся к бизнесу и хозяйственной деятельности. Предпочтительными процедурами для решения споров являются «джидан», «вакаи» и «готей». При использовании «джидан» стороны решают спор в примирительном духе через посредников; при «вакаи» судья приводит стороны к соглашению; при «готей» стороны просят суд назначить примирительную комиссию, с тем, чтобы она предложила справедливое решение спора. Обращения к «гусаи» (арбитраж) при решении споров внутри страны избегают. Ученый делает вывод, что право в Японии до сих пор не является центральным принципом социальной организации вследствие специфического исторического бытия этой цивилизации. (Сурия Пракаш Синха. Юриспруденция. Философия права. М., Академия. 1996. С.48-49.). Президент японского университета Тама, Грегори Кларк, также утверждает, что «Япония является внеправовым обществом» (Цит. по: Sibbit E.C. Regulating Gambling in the Shadow of the Law: Form and Substance in the Regulation of Japan's Pachinko Industry// Harvard International Law Journal. Vol.38, 1997. P.576.)

экономическим условиям жизни этих стран, свидетельствует о том, что стойкие традиции и стандарты корейского общества оказывают сильное влияние на темпы и формы этого процесса, на его динамику и направление. Основные же подходы в строительстве общества на принципах идеи чучхе (в Северной Корее) или «демократии» (в Южной Корее), где провозглашены приоритеты отдельного человека перед обществом, фактически приводят к неразрешимому противоречию с менталитетом корейского народа, воспитанного веками в духе коллективизма. Представляется, что духовный кризис в рассматриваемых странах как раз и связан с такой попыткой увязать несовместимое. Так, например, в целях сохранения общества у граждан необходимо развивать чувства общности и сопричастности, государство же навязывает идеи, по сути своей, служащие разделению и отчуждению граждан друг от друга, а вместе с тем и общества от государства. Подобное состояние, очевидно, свидетельствует о формировании такого аппарата государства, в котором место служения обществу (исконной сущности этого аппарата) занимает патологическая жажда к господству, преобладанию над ближними.

Положение об уголовном законе (кодексе) как единственном источнике уголовного права, очевидно, базируется на ложной формуле о том, что уголовное право по своей сути есть простое отображение действительности (в том числе и криминальной), в то время как уголовное право на самом деле, будучи лишь одной, хотя далеко не главной социальной ценностью, объемно и многоаспектно воспроизводит богатую палитру общественной жизни людей и потому в нем находят отражение главные закономерности развития этой жизни [18, 164-165]. Очевидно, следует сделать оговорку, что уголовный закон является единственным источником уголовного права лишь в плане нормотворческой деятельности. Что же касается сферы применения норм уголовного права, то число ее источников богаче и разнообразнее, а уголовный закон силен именно своим применением [18].

В эпоху Конфуция в древнем Китае, а позднее и в Корее, кроме семьи-государства, огромную роль в жизни древнекитайского общества играла

организация цзун-цзу (клана). Наличие связанной родственными узами мощной организации, как и факт органической связи между структурой цзун-цзу и системой социальных рангов – все это укрепляло представление о принципиальной идентичности семьи и государства [19, 9]. Шан Цзюнь Шу считал, что «совершенномудрые разделили людей на знатных и простых, установили ранги знатности и должности, ввели наименование и титулы, дабы можно было отличить правителя от сановников, высших от низших [11, 226-228].

Европейцы называли китайских чиновников мандаринами. Слово «мандарин» происходит от португальского mandar - командовать, управлять. В зависимости от своих должностных обязанностей мандарины могли быть гражданскими и военными. Они не получали должности по наследству, но рекрутировались из представителей состоятельных классов, получивших ученую степень.

Последняя династия Цин в Китае была основана маньчжурскими завоевателями. Маньчжуры вынуждены были привлекать на службу в центральный и местный аппарат китайцев и монголов, но всегда относились к ним с недоверием. Запрещалось, например, служить в одном учреждении родственникам-китайцам: дедам и внукам, дядям и племянникам, родным братьям. Чиновникам китайского происхождения не разрешалось пользоваться печатью – важным атрибутом власти маньчжурской бюрократии [23, 241-243].

Самым низшим из всех чиновников считался дибао (нечто вроде старого русского околоточного). Уезды и города делились на участки, и во главе каждого из них стоял такой дибао. Обыкновенно эту должность занимали люди без всякого образования. Дибао следовало знать в лицо каждого жителя на своем участке, кто чем занимается, где проводит дни и ночи, какие у кого тайные намерения и каковы источники доходов. Дибао обладал вполне реальной властью на «своей территории». Он мог выселить без суда любого человека, если считал его пребывание на своем участке вредным. Конечно, высылки удавалось избежать, если бедняга находил деньги, чтобы «отблагодарить» дибао. Дибао обязан был доносить своему непосредственному начальству обо всем, что

происходит на участке. Власти требовали даже, чтобы он знал обо всем заранее. Если на участке случались какие-либо важные события, не предвиденные дигао, его привлекали к ответу. Такие чиновники были тесно связаны с опикурильщиками, морфинистами, нищими, игроками в азартные игры, ворами. Все эти люди были известны дигао, и он получал с них определенную подать. Только при этом условии их оставляли в покое. Если они не соглашались платить подать, то о них сообщалось местному начальству [23, 243-244].

Чтобы начальству легче было держать население в повиновении и знать настроения людей, в феодальном Китае была широко распространена система круговой поруки – бао-цзя. Система круговой поруки позволяла держать население под бдительным полицейским надзором и своевременно пресекать антиправительственные (то есть антигосударственные) преступления. В 17 в. цинский двор опубликовал Закон о системе взаимной ответственности. Суть его состояла в том, что высшие сановники на местах несут личную ответственность за поведение и службу подчиненных им окружных и уездных чиновников. Чиновники центральных государственных учреждений, рекомендовавшие кандидатов на посты наместников и военных губернаторов, подлежали наказанию наравне со всеми подопечными, если те оказывались не соответствующими должности. Закон о взаимной ответственности распространялся на весь род наказанного за то или иное деяние человека. Казнили не только обвиняемого, но и родителей, братьев, сестер, детей. Система взаимной ответственности не ограничивалась семьей: она охватывала все общество.

Для укрепления своего господства маньчжурские власти кроме системы взаимной ответственности широко использовали традиционные китайские церемонии и правила поведения, которые с годами, можно сказать, вошли в плоть и кровь каждого подданного Среднего государства. В китайских источниках зафиксировано триста видов церемоний и три тысячи правил достойного поведения [23, 247]. Строжайший церемониал прежде всего касался

поведения и внешнего облика чиновничества. Все чиновники должны были одеваться в точном соответствии с занимаемой должностью.

Как известно, обряды (ритуалы) являются одним из компонентов традиций, выступающие эффективным средством социального регулирования. Подобно Китаю, в Корее также до 19 века существовала система жесткого регулирования, когда Йечжо (Палата обрядов) определяла политический, экономический, правовой статус каждого сословия и строго регламентировала в соответствии с сословным положением человека его тип жилища, форму одежды, набор обязательных обрядов и ритуалов, которым отводилась важная роль в регулировании взаимоотношений между сословиями и внутри их [9, 4-5]. В силу своего символического характера обрядовые действия лишены непосредственной целесообразности. Но, в конечном счете, они выполняют функцию неосознанного приобщения индивидов к господствующей в данном обществе системе нормативных требований. Обряды, тесно связанные с обычаями и традициями, являются средством формирования и передачи новым поколениям духовных качеств, необходимых для нормального функционирования сложных общественных отношений. Они выполняют роль средств стабилизации и воспроизводства общественных отношений в ряду сменяющих друг друга поколений.

Как и в иных странах, с традиционными, исторически сложившимися институтами и обрядами связана и форма воспитания подрастающего поколения. Обряды в художественной, эмоциональной форме приобщали индивида к господствующей системе отношений, прививали уважение к правам коллектива, определяли место человека в группе и обществе. Обряд или обычай мог в ряде случаев иметь единственный смысл: поставить человека в определенную зависимость от сельской или семейной общины, закрепить нормы или правила поведения людей, дать руководство для трудовой деятельности [9, 7].

В народной практике религиозный ритуал не столько выражает представление о мире, сколько выполняет компенсаторную функцию, выступая как средство решения практических проблем повседневного существования.

Отсюда можно сделать такой вывод: **в практических целях предотвращения преступности необходимо способствовать возрождению лучших народных традиций, обычаев и обрядов.**

Система централизованного государственного управления в Корее, сложившаяся в начале XV столетия, при дальнейшем совершенствовании не претерпела каких-либо коренных изменений и была закреплена в основном законодательном памятнике второй половины XV в. «Кёнгук тэджон» («Великое уложение для управления государством»). Во время последней корейской династии (династии Ли) княжеские титулы сохранялись лишь за крайне ограниченным кругом людей – сыновьями, дочерьми и некоторыми близкими родственниками вана (короля), а вся знать включалась в обычную чиновную иерархию и получала соответствующий ранг в общей 18-степенной системе [10, 171-172]. Задача центральной администрации состояла в том, чтобы обеспечить управление всей страной, делившейся на восемь провинций. Названия их не раз менялись, но административная структура оставалась прежней. Для управления каждой провинцией из столицы назначался кванчхальса (губернатор, или «надзиратель»), которому непосредственно подчинялись правители округов (уездов) данной провинции. Обычно губернатор провинции совмещал должность командующего войсками округа в своей провинции, а правитель уезда занимал должность начальника войск крепости. Кадры государственных чиновников, составлявших (с ваном во главе) правящую административную иерархию, пополнялись из дворянского сословия янбанов. Столичное сановное дворянство ревниво оберегало свои привилегии. Так, в 1408 г. был издан указ, по которому к занятию чиновных должностей не допускались дети от повторного брака вдов, что было равносильно запрещению вторично выходить замуж. Затем такие же ограничения были установлены для незаконнорожденных детей янбанов, то есть их сыновей от побочных жен и наложниц, число которых не ограничивалось законом. Впоследствии такие дискриминационные меры стали обычаем, закреплявшим монопольную власть столичной знати. Привилегии знати обеспечивались не только их богатством и связями, но и юридическими

установлениями, предусматривавшими возможность занять государственные посты без экзаменов, например за «благонравное поведение», за заслуги предков и т.д. [10, 174-178]. Разумеется, успех и стабильности существования государства во многом зависит от функционирования налоговой системы. Определение «истинного» урожая было обставлено такой сложной бюрократической процедурой, что она намного увеличивала бремя налогов и вызывала возмущения крестьян. Так, например, для учета ущерба от стихийных бедствий предусматривались комиссии «бескорыстных чиновников» из других провинций, после них работа начальников соответствующих уездов, а затем все проверялось столичным чиновником-ревизором, устанавливающим наказание за неправильное определение ущерба. Каждый раз прибытие обследователей означали постой, поборы, взятки и другие злоупотребления вымогателей [10, 180-181].

В Китае, в целях борьбы с деградацией чиновничества, в средние века существовал закон, по которому чиновник не имел права заниматься государственными делами в той провинции, откуда он родом, - в глазах тех, кем управлял, он должен был быть «посланцем сверху». Он не имел также права жить в семье отца: боялись, что если отец и сын станут обсуждать дела и придут к неодинаковым выводам, то это пагубно отразится на управлении государством. Правителям народа запрещалось посещать театры и показываться среди обыкновенных людей – это подрывало их престиж.

Французский наблюдатель Жан Род так писал о китайских чиновниках: «Если деньги, коварство, интриги служат главными средствами, с помощью которых мандарин достигает своего высокого положения, то не последнее место занимают также его глубокое лицемерие и совершенное отсутствие личных убеждений, ... в угоду изменчивым настроениям и прихотям двора» [23, 259].

Жестокие, вероломные и лживые представители чиновничества старались, разумеется, сохранить репутацию добропорядочных людей. По-китайски это называлось «сохранить лицо», то есть не уронить авторитета, пользоваться влиянием и уважением в глазах окружающих. Самым страшным несчастьем для

чиновника было «потерять лицо». Это значило публичное обвинение в чем-либо непристойном, утрату репутации в глазах вышестоящих. «Потеря лица» была равносильна гражданской казни, «моральной смерти», небывалому позору, который нередко приводил к самоубийству. Один из русских, наблюдавших за жизнью чиновничества Срединного государства, И. Коростовец, так трактовал понятие «потерять лицо»: «Потерять лицо» – специально китайский термин – значит сознаться в своей неправоте, уступить, утратить честь, чего китаец никогда не сделает даже при очевидной от этого невыгоде» [23, 261]. «Лицо», если мы его правильно поймем, окажется ключом к сложному замку, соединяющему в своих пружинах многие из важнейших характерных черт китайцев.

По мнению исследователя Китая В.Я. Сидихменова, природа лжи и лицемерия чиновников, несомненно, связана прежде всего с социальным аспектом – с тем общественным положением, которое они занимали. Ложь, лицемерие, театральщина всегда были неотъемлемыми чертами господствующих классов в любом государстве, но в феодальном Китае эти качества были доведены до гипертрофических размеров и нередко оборачивались гротеском. Показная вежливость и напыщенное «благородство манер» не мешали чиновникам продавать свою совесть. Служебные посты, как правило, покупались у вышестоящих бюрократов. Приобретенный таким путем пост давал чиновнику «моральное право» заниматься вымогательством у подчиненных, а последние, в свою очередь, делали то же самое по отношению к своим служащим – и так до самых низов иерархической лестницы.

Ограбление народных масс, расхищение казны, взяточничество были главными источниками обогащения китайских чиновников. Это, между прочим, нашло отражение в поговорках типа: «Чиновник никогда не обижает того, кто приносит подарки»; «Опасайся чиновника, который улыбается» [23, 264]. Во имя собственного обогащения чиновник прибегал к самым различным формам вымогательства. Это тем более было ему доступно, так как в его распоряжении на местах находились и вооруженные силы, и аппарат власти. Важным

источником его доходов был земельный налог, часть которого шла ему в карман. Немалым подспорьем служили косвенные налоги. Под предлогом изыскания средств для строительства каких-либо общественных зданий вводились косвенные налоги на чай, соль, табак, рис, вино, хлеб, сахар, мясо, дрова и т.п. Сборщики налогов все время выдумывали всевозможные новые поборы, вроде, например, налога на погреб, на свадьбу, на свет, на цветы, на езду на лошади, на продажу свиньи или курицы, подушный «специальный налог» и десятки других. В некоторых уездах число таких налогов доходило до семидесяти. Все налоги собирались не менее 2 раз в год за весь год. Магистрат, офицеры полиции и даже низшие служащие суда, полиции и других учреждений с ведома и попустительству высших властей добавляли свои поборы [20, 28-68]. Постоянным средством наживы для чиновника служила его судебная власть. Он мог арестовать любого человека и потребовать от него «отступные» за освобождение.

Если император считался неограниченным властелином всего Срединного государства, «отцом и матерью» великой китайской семьи, то губернаторы, начальники уездов и т.д. объявлялись «родителями» всего подопечного им населения. Местное управление было полностью сосредоточено в их руках. Будучи в одном лице военачальником, администратором и судьей, местный властитель был особенно страшен в последнем качестве. В лучшем случае произвол мог быть ограничен такими же деспотами, стоявшими в бюрократической иерархии на ступень выше. Но если пострадавший осмеливался обратиться к вышестоящим властям, его жалоба возвращалась на рассмотрение к тому, кто обидел, и тогда уже не было жалобщику пощады [23, 265]. Вообще к судебной процедуре прибегали только при крайней необходимости. Обычно же спорные дела должен был решать глава семьи или старейшина рода.

Часто вся китайская деревня состояла из одного клана (рода). Деревенский староста являлся как бы посредником между крестьянством и высшими властями. Если деревня вся в руках одного рода, то глава последнего являлся

одновременно старостой и правил по родовым заветам и обычаям. Все экстраординарные случайности, недовольства, преступления и т.п. он стремился улаживать внутри деревни, не «вынося сор из избы» и стараясь иметь возможно меньше дел с внешними властями. Обладание должностью, таким образом, служило одним из орудий первоначального накопления. А чиновник, известно, является в первую очередь сборщиком налогов, и лишь затем администратором. Чиновник существует главным образом для поддержки себя, своих начальников и отчасти служащих [20, 42].

Служащие и стража ямыня (судебной палаты), как правило, ничего не получали за свою работу. Источником их доходов были все те, кто так или иначе от них зависел. Судопроизводство в феодальном Китае не знало состязательного процесса: местный чиновник, начальник уезда или губернатор провинции в одном лице совмещали судью, адвоката и прокурора [23, 269]. По изощренности и жестокости применяемых пыток Срединное государство могло соперничать разве что со средневековой испанской инквизицией. Например, стоящего человека закапывали в землю до подбородка. Затем над его головой делали невысокий навес, куда напускали ядовитых насекомых, которые набрасывались на жертву, причиняя ей невыразимые страдания. Людей помещали в бочку с негашеной известью, заливали глаза кипящим маслом, ломали им суставы и тому подобное. Чаще всего такие пытки и наказания касались простых людей. Если же богатый совершал какое-нибудь преступление и его приводили для допроса в ямынь, то когда он понимал, что ему не избежать ударов бамбуковой палкой, а следовательно, «потери лица», - оставался единственный выход: за деньги купить освобождение и увильнуть от наказания. В присутственные часы около ямыня всегда можно было найти бедняка, который за определенную плату соглашался быть наказанным за другого. Этот человек менее всего размышлял о «потере лица»: ведь он зарабатывал себе на хлеб. Богач заключал сделку с одним из таких обездоленных и тот «добровольно» подставлял спину под удары [23, 273-274]. Возложенные на местного чиновника обязанности жреца и «официального представителя населения» перед божествами и духами

позволяли ему в случае какого-либо неблагоприятного события сослаться на вмешательство силы небесной и свалить на духов вину за беспорядки и различные злоупотребления [23, 280].

Однако не следует представлять, что государство и общество никак не пытались бороться с должностными преступлениями. Напротив, уже по тем временам, начиная с 7 века от Р.Х., юридическая мысль в Китае разрабатывает различные подходы к служебным преступлениям и проступкам. Здесь наблюдаются и попытки дифференцировать поведение субъекта правонарушений, и установить различные последствия в связи с содеянным. Еще древние китайские легисты утверждали, что административный аппарат страдает от двух зол. Он подвержен «стяжательству и пренебрежению своими обязанностями – страдает от этих двух «вшей», мешающих управлению государством». К числу должностных преступлений с незаконным приобретением имущества относилась взятка. Все взятки старые китайские юристы делили на взятки с нарушением закона и взятки без нарушения закона.

Взятка. При наказании за взятку действовали два общих правила: 1) «виновными считались обе стороны, и тот и другой», то есть не только, кто получал взятку, но и тот, кто давал ее, подлежал ответственности; 2) мера наказания определялась в зависимости от суммы незаконно приобретенного имущества. Общим правилом было и то, что если взявший взятку раскаивался в своем поступке и возвращал взятое им в качестве взятки хозяину имущества, взяткодателю, то и взяточнику и взяткодателю в таком случае мера наказания уменьшалась на три степени.

Взяткодателем считался человек, «имевший какое-либо дело, добившийся его осуществления с помощью своего имущества»... По общему правилу за взятку без нарушения закона наказание было на две степени меньшим, чем за взятку с нарушением закона. При коллективной даче взятки по одному делу тот, кому принадлежал замысел дать взятку, и тот, кто собирал с группы взяткодателей имущество для дачи взятки, считались главарями. Главарь выплачивал двойную компенсацию, прочие же взяткодатели считались

пособниками и их наказывали в зависимости от доли данного ими в качестве взятки имущества.

При наказании за взятку с нарушением закона глава управления или чиновник в сфере его административной ответственности, получивший имущество и нарушивший закон, могли получить от 100 ударов толстыми палками до смертной казни, в зависимости от размера взятки. Если взятка была без нарушения закона, то наказание колебалось от 90 ударов толстыми палками до ссылки с дополнительными каторжными работами. Взятка могла быть дана и после завершения дела. Если при этом закон был нарушен, такая взятка считалась взяткой с нарушением закона [13, 159-160].

Близким по характеру к взятке рассматривалось должностное преступление, при котором чиновник не данного ведомства, где слушалось дело, получив мзду, выступал ходатаем по делу лица, от которого ее получил. Эти действия квалифицировались как незаконное приобретение, и наказание за них приравнивалось к мере наказания за незаконное приобретение имущества, увеличенное на две степени – от 40 тонких палок до ссылки за 2,5 тыс. ли. Чиновники же, непосредственно «проталкивавшие» и решавшие дело, наказывались как за взятку с нарушением закона.

Чиновник не имел права получать подарки от своих подчиненных и от административно подчиненных ему лиц. Подарки квалифицировались как незаконное приобретение. Если же чиновник вымогал подарок, то это уже квалифицировалось как взятка с нарушением закона. Подарки подлежали возврату их хозяину. Живой скот подлежал конфискации в казну. Когда чиновник руководил сбором налогов, какими-либо работами и получал подарки, то даже если он не брал их себе лично, это квалифицировалось как незаконное приобретение имущества с подчиненных; если брал себе – как вымогательство. Более того, если вышедший в отставку чиновник брал подарок от своих бывших подчиненных и просил у них что-либо в долг, то это также рассматривалось как преступление, хотя и наказывалось при этом на три степени меньше, чем

аналогичное преступление должностного лица, находящегося при исполнении служебных обязанностей.

Незаконное приобретение имущества от подчиненных чиновников или населения в пределах вверенной административной власти, считалось крупным должностным преступлением. Мерами наказания за такое преступление было назначение 40 и более ударов тонкими палками, каторжные работы, либо ссылка за 2 тыс. ли. В случае нарушения закона размер наказания увеличивался на одну степень. На размер наказания влиял факт, получал чиновник жалованье или не получал. Если чиновников было двое и больше, то незаконно приобретенное имущество суммировалось, и выплата компенсации производилась в двойном размере.

Незаконным приобретением имущества в сфере служебных прерогатив данного чиновника считалось взятие в долг от подчиненных и невозвращение долга в 100-дневный срок. К числу незаконного приобретения имущества относились купля или продажа вещи, торговая сделка с подчиненным, давшая начальнику чрезмерную выгоду, недостачи при выплатах чиновником по контрактам, заключенным с подчиненными, в срок 50 дней, использование в личных целях чиновником труда людей, привлеченных им к работе по трудовой повинности, заимствование у подчиненных для работы на себя рабов, скота, мельниц и лавок... Стоимость незаконно приобретенного таким способом имущества определялась исходя из стоимости труда раба и животного или величины дохода от эксплуатации, например, мельницы.

Однако не рассматривалось как преступление использование чиновником труда подчиненных в «дни счастья» - свадьбы в его семье, жертвоприношения в храме предков и т.п. и «дни горя» – похорон и т.п. Закон устанавливал норму «помощи», число привлеченных чиновником для его личных нужд людей не должно превышать 20 и эти люди не должны были работать на своего начальника более 5 дней. Родственники чиновника в число этих 20 человек не включались. Если преступные действия совершал не само должностное лицо, а члены его семьи, они наказывались лично и мера наказания им уменьшалась на две

степени. Должностное лицо, если оно знало, что члены его семьи злоупотребляли его служебным положением, получало одинаковую с ними меру наказания. Если чиновник не знал о действиях членов своей семьи, мера наказания ему уменьшалась на пять степеней по сравнению с мерой наказания, которая полагалась членам его семьи, виновным в данном преступлении, и соответственно была на семь степеней меньше той, которая полагалась бы чиновнику в том случае, если бы данный проступок совершил он сам.

Важно было то, что в старом китайском праве всегда принимался во внимание только ущерб конкретный, материальный. Моральный ущерб, который чиновник мог причинить своему подчиненному, не учитывался и не возмещался.

Все окружные и уездные чиновники, все должностные лица администрации округа или уезда во время службы в данной должности не имели права заключать браки с семьями подчиненных и местного населения. В случае нарушения закона, даже если случалась амнистия, такой брак подлежал расторжению [13, 161-164].

В числе еще других должностных преступлений в старом Китае можно упомянуть нарушение установленного штата чинов: за одного лишнего человека в штате наказание ответственному за это чиновнику полагалось 100 толстых палок, за десять «лишних людей» – два года каторги.

Следует признать правовое значение и за тем древнекитайским понятием, которым обозначается «справедливость».

Китайская цивилизация вообще и правовая мысль в частности оказали влияние и на Японию, которая многое восприняла не напрямую из Китая, а уже после преломления отдельных институтов через их корейское использование. Автор ряда исследований по проблемам формирования японского государства, Иноуэ пришел к выводу, что японские государственные институты 7 века сложились под влиянием соответствующих китайских и корейских институтов раннего средневековья. Так, по мнению Иноуэ, при учреждении японской системы рангов, установленной на рубеже 6-7 вв., учитывался и корейский опыт,

главным образом Пэкче и Когурё [21, 157].

Известно, что в начале 17 века в Японии завершился сложный процесс объединения страны и образовалось относительно централизованное государство. У власти встало военно-феодалное правительство – бакуфу. В 1634 г. была введена система попеременного присутствия, согласно которой даймё (князя) в большинстве случаев должны были жить один год в Эдо, а другой - в своем владении, но оставлять в столице членов своих семей [2, 6-27]. Даймё занимали самое высокое положение в токугавской Японии. Ниже князей на иерархической лестнице располагались непосредственные вассалы сёгуна (дзикасан) и вассалы даймё. Всех даймё объединяло то, что они составляли верхушку привилегированного военного сословия, имели общие для них права и обязанности, отличные как от других сословий японского общества, так и от других слоев внутри сословия. Княжества были самостоятельными в административном, хозяйственном и судебном отношении. В своих владениях даймё пользовались почти неограниченными правами. Даймё не имели регулярных финансовых обязательств перед бакуфу. Доход, получаемый в виде феодальной ренты, использовался ими для удовлетворения собственных нужд. Важной особенностью в отношениях между бакуфу и даймё были подарки. В период Токугава был разработан специальный регламент, который точно устанавливал, сколько и чего должны дарить даймё. Существовало две категории подношений: «сампу кендзё», которые были обязательны для каждого даймё, когда он прибывал в Эдо и являлся в замок сёгуна для аудиенции, и «токи кендзё», которые включали подарки по особым случаям, независимо от того, был князь в столице или нет. «Сампу кендзё» имели в основном символический смысл. Бакуфу не получало выгоды от этих подарков, так как князьям вручались ответные подарки, приблизительно равные по стоимости, когда они возвращались в свой дом. По мнению Т. Цукахиры, эти подарки не считались налогами как таковыми, они были в некоторой степени формой ритуальной дани, пережитком обычной манеры обмена любезностями между сеньором и вассалом.

В назначении на должность главную роль играли размер стипендии,

знатность рода, степень приближенности к сегуну; часть должностей передавалась по наследству. Получение какого-либо поста лишь в малой степени зависело от личных заслуг, способности и опыта претендента. С 1666 г. стали выплачивать должностное жалованье, а до этого выполнение чиновничьих обязанностей считалось долгом вассала. В Японии 17 – начала 19 в. шел процесс складывания иерархии чинов, которая предполагает присвоение данному лицу чинов по восходящей линии и примерное соответствие их по служебному положению; понижение по чину, и тем более лишение чинов (разжалование), - акт исключительный, нуждавшийся в особой мотивации. Однако иерархия чинов не получила законченного выражения в период сёгуната, так как само государство было лишь относительно централизованным и не достигло стадии абсолютизма. Не существовало и единой для всей страны системы чинов, потому что князья были автономны в своих владениях и обладали верховной властью в пределах княжества [2].

В области средневекового уголовного права Китая идеология конфуцианства возобладала над концепцией легистов, считавших, что все должны быть равны перед законом: конфуцианцы утверждали, что наследственная аристократия и администрация должны стоять над законом. Конфуцианство проявилось также в вере китайцев в исключительную эффективность взаимодействующих друг с другом моральных норм и жестких правовых норм. Однако неопределенность границ моральной нормы и отсутствие сформулированного в законе этого правового понятия препятствовали разграничению в праве форм вины, и поэтому при вынесении наказаний использовались такие категории, как неведение, неумышленность, небрежность, забывчивость, ошибка. Законодательство не знало института необходимой обороны, но освобождало от ответственности ближайших родственников, защищавших от нападения отца, мать, деда, бабу, объясняя негативные последствия этих действий (вплоть до убийства нападавшего) тем, что они не были продиктованы преступной волей.

Классификация преступлений в зависимости от их общественной опасности основывалась на известной концепции «десяти зол»: первой, второй и третьей

формами зла считались преступные посягательства против императора – заговор о мятеже против государя, непокорство и измена; четвертой – преступления против близких родственников, убийство или избиение деда, бабушки, родителей, умысел убить их, убийство старших братьев, сестер, близких кровных родственников мужа; пятой – поведение, противоречащее естественному порядку вещей, и преступления, совершенные с особой жестокостью. Сюда были отнесены убийства в одной семье трех человек, совершение преступления с особой злостью, все виды колдовских магических действий, приготовление, хранение и передача другому лицу ядов и пр.; шестой – преступления, связанные с нарушением особо значимых запретов, к числу которых были отнесены кража предметов культа; кража вещей, используемых императором; оплошности, допущенные при приготовлении ему пищи, лекарства; злословие в адрес императора; седьмая, восьмая, девятая и десятая формы зла были связаны с нарушением нравственного порядка в семье, рассматриваемого в качестве основы социального порядка.

Судебный процесс носил инквизиционный характер, а потому судьи исходили из презумпции виновности обвиняемого и ставили своей главной целью добиться признания последнего. Таким образом, как мы попытались представить выше, Корея и Япония усвоили китайское право задолго до современной эпохи. И это факт, что конфуцианская правовая культура, усвоенная из Китая, на протяжении длительной истории оказывала глубокое влияние на корейское и японское традиционное право и общественное развитие. Поэтому характеристики досовременного права Кореи и Японии не могут быть усвоены надлежащим образом без учета китайской культуры.

Политико-правовые традиции и современность на Корейском полуострове.

В течение нескольких последних десятилетий современная Корея, подобно иным странам в юго-восточной Азии переживает быстрые перемены в социальной жизни в связи с процессом модернизации. Сопутствующая этому урбанизация приводит к тому, что все меньше остается семей, сохраняющих

традиционный уклад жизни. В начале модернизации восточно-азиатских стран конфуцианство часто подвергалось критике, как один из видов препятствий процессу модернизации. Это не случайно, т.к. конфуцианство выступает за вертикальную структуру общества и подчинение нижестоящих власти вышестоящего (то есть, принципы авторитаризма), отсюда оно рассматривается как противоположность горизонтальной структуре демократического общества, которое выступает за индивидуальные свободы.

По мнению критиков, в процессе модернизации конфуцианство проявляет несколько функционально негативных аспектов, таких как nepotизм и безусловное подчинение власти. Однако в нем есть и функционально позитивные моменты для модернизации. Например, добросовестное отношение к работе и трудолюбие, «сохранение лица», высокая мотивация в достижении успехов, акцент на образование и воспитание, жертвование собственными интересами для репутации и процветания семьи – являются важнейшими аспектами конфуцианства, внесшего заметный вклад в модернизацию корейского общества. Противники конфуцианской традиции навешивают всему этому ярлык «конфуцианский пуританизм». И подобно тому, как, согласно Веберу, трудовая этика протестантского пуританизма явилась костяком развития капиталистического общества на Западе, так и «конфуцианский пуританизм» становится основным принципом модернизации восточно-азиатского общества [15, 33-34].

По учению конфуцианства семейные отношения представляют собой основные отношения человека в обществе, а семейные ценности являются ценностями общества. Семья занимается воспитанием детей и является местом, где используется философия морали. Защитники конфуцианства утверждают, что оно является высокоразвитой философией, которая предписывает основные правила для личного поведения. Чего так не хватает современному обществу и что оно так пытается восполнить путем разработки этических кодексов; спрашивается, - для чего тогда нужно было отвергать христианские или конфуцианские позитивные нормы морали? Чтобы новые «изобретения», по

сути - повторяющие старые, выдать за свои? Что это - очередная переписка истории с попыткой присвоить себе результаты чужого труда? С точки зрения отдельной семьи конфуцианство рассматривалось и как этика, и как философия, и как религия. Эти принципы считались и общими принципами для всего общества. Моральная взаимная ответственность привела к восприятию всего общества как большой семьи.

Модернизация и индустриализация принесли с собой много изменений в корейскую семью. С точки зрения социологии, результаты этих перемен можно свести к следующему: семьи стали меньшими по размеру, произошла изоляция отдельных семей друг от друга в городских районах, приобрело распространение сожительство (без заключения брака и семьи). Изменилась и структура ролей в семье. Если раньше авторитет и привилегии отца были безусловными, то сейчас они таковые лишь постольку, поскольку отец является хорошим «добытчиком средств» для семьи. Обязательства и долг детей по отношению к отцу (родителям) превратились в отношения компромисса. Иными словами, структура семьи из вертикальной превратилась в горизонтальную – из структуры, где доминировал отец, в структуру, где доминирует мать, и из структуры, имеющей центром отца, в структуру, имеющую центром детей [15, 46].

Как видим, высшая ценность, которой считалось воспитание детей с целью усвоения знаний приобретает крен в сторону ожидания от образования более высокого уровня обеспеченности семьи в будущем, то есть налицо формирование гедонистского характера ценностей [4, 10].

Представляется, что положительным можно считать тот факт, что конфуцианство в современном обществе Южной Кореи по-прежнему рассматривается источником представлений об общественной морали. Ожидается, что корейское общество достигнет определенных успехов, если конфуцианский пуританизм в будущем станет популярной философией всех корейцев [15, 47].

Уникальной, но в то же время и имеющей глубокие корни в дальневосточной традиции особенностью системы политического контроля, существующей в современном северокорейском обществе, является институт круговой поруки. Все население Северной Кореи разделено на так называемые народные группы (инминбан), в которые объединяются по месту жительства от 20 до 50, а в среднем – около 40 семей. Обычно это либо жители небольшого квартала сельских домов (сравним с околотками в дореволюционной России – А.И.), либо многоэтажного дома, либо даже одного подъезда в таком доме. Во главе каждой группы стоит чиновник, который несет ответственность за все, что происходит с членами его подведомственной «народной группы» (В этом проявляется различие в подходах к контролю преступности даже в тех странах, которые испытали на себе влияние конфуцианства. В частности, здесь мы наблюдаем не общественный контроль за госорганами, как это имеет место, например, в Японии, а, наоборот, госконтроль за обществом – А.И.). Обычно он бдительно следит за благонадежностью и добронравием своих подопечных, ведь любой крупный проступок может принести ему неприятности. Называют этих чиновников инминбанчжан, т.е. «начальник народной группы». По его разнарядке члены «народной группы» должны участвовать в разных хозяйственных работах, убирать территорию. Проходят в «народных группах» и собрания, на которых их неработающие члены – по большей части пожилые тетушки – изучают идеи чучхе или слушают рассказы о величии Ким Ир Сена. Однако главная задача низших чиновников – контроль над вверенным им населением [14, 275-276]. Инминбанчжан, в частности, может войти в любую из подопечных ему квартир как днем, так и ночью, каждый кореец, ночующий не у себя дома, обязан связаться с тем инминбанчжаном, в подчинении которого находится ставшая его ночлегом квартира, предъявить свои документы, объяснить причину своего появления и получить письменное разрешение остаться на ночь (для этого в «народной группе» существует специальный гроссбух). Без согласия этого чиновника нельзя уехать в другой город к родственникам, о выездах в командировки тоже следует ставить его в

известность. Даже студенты, прибыв на каникулы, обязаны доложиться об этом инминбанчжану. Власть инминбанчжанов достаточно велика, в некоторых случаях они могут даже выслать неугодных из Пхеньяна. В случае если кто-то из членов «народной группы» совершит тяжелое политическое преступление, то тем или иным наказаниям могут подвергнуться все ее члены. Система эта восходит к древнейшим временам, к эпохе легистских экспериментов в Китае в 3 в. до Р.Х.

Контроль над населением очень облегчается тем, что передвижение по стране крайне ограничено. Без специального разрешения органов безопасности никто не имеет права выезжать за пределы своего уезда. Билет можно купить, лишь предъявив это разрешение – с именем, указанием учреждения, цели и продолжительности поездки. За попытку проникнуть без этого документа в соседний уезд полагается 15 суток принудительных работ и, разумеется, водворение на прежнее место жительства. Для посещения родственников существует система вызовов, на основании которых органы безопасности выдают разрешение на поездку. Отчасти эта система направлена против южнокорейских и иных разведслужб, но главная ее цель – не допустить недовольства режимом и пресечь в зародыше саму возможность протеста. Однако «нет худа без добра», и у этой уникальной, не имеющей себе равных в мире системы тотального контроля есть один хороший побочный результат: она заметно снижает уровень преступности. Дело в том, что в Северной Корее ныне практически невозможно скрыться от властей. Во-первых, нельзя купить билет и уехать «в неизвестном направлении», во-вторых, появление любого подозрительного будет тут же замечено инминбанчжаном. Если добавить к этому карточную систему фактически на все виды товаров, которая превращает «свободные» деньги в бумажки, и суровость наказаний, то ясно, почему Корея – страна без преступников [14, 277].

Стоит, впрочем, учесть и то, что корейцы вообще, как показал исторический опыт, в том числе и в Южной Корее, - народ, малосклонный к преступной деятельности. В Южной Корее, например, уровень преступности во много раз

меньше, чем, скажем, в США, хотя бедности и нищеты там несравненно больше, да и структура преступности совсем иная: если мошенничества, должностные и финансовые преступления, равно как и всякие драки на бытовой почве встречаются довольно часто, то убийства с целью ограбления или разбойные нападения – крайняя редкость.

Что касается возможного развития общества и государства в Северной Корее, то некоторые исследователи полагают, что отнюдь не исключено, что при эволюционном, а не революционном развитии событий в КНДР и даже переходе ее к более либеральной модели и открытой экономике нынешняя правящая элита сумеет в основном сохранить свои позиции в стране. В пользу этого говорят ее нынешние возможности и влияние, позиции в государственном аппарате, разветвленная система зависимых кланов внутри КНДР, а также особенности духовного и культурного наследия корейского общества, в котором конфуцианские ценности зачастую находили более полное и законченное выражение, чем в самом Китае [3, 166-191].

Заключение.

Завершая данную статью, хотелось бы отметить следующее. Во взаимодействии закона и традиционалистских представлений не закон должен рождать справедливость, а, напротив, традиции при строгом соблюдении могли вызвать к жизни справедливый порядок. Можно, вероятно, предположить, что виной продажного поведения чиновничества в странах, испытавших на себе влияние китайской цивилизации, являлась конфуцианская идеология. Однако такой вывод был бы ошибочным. Известно, что основу конфуцианства составляло морально-этическое учение о социальном поведении и социальных отношениях людей в системе государства, общества, семьи. Подчеркивается роль обрядов и традиций в стабилизации утвердившихся отношений, в социализации детей и подростков, то есть в превращении индивида в члена данной культурно-исторической общности. Недооценка этого момента приводит нас к непониманию того факта, во что мы превращаем молодое поколение «новыми традициями». Тот факт, что отдельные носители конфуцианской

идеологии одновременно слыли отъявленными взяточниками, скорее всего, говорит о том, что такие «носители» указанной идеологии нарушали ее, как они нарушали бы и любой иной действующий закон или норму. Вместе с тем, наставления Конфуция могли бы стать основой норм этики должностных лиц. Не правда ли, в нескольких словах заключается суть антикоррупционной деятельности: Для благородного мужа служба – это выполнение долга, даже когда уже известно, что путь не может быть осуществлен [12, 184-185]. О соразмерности наказания содеянному может свидетельствовать такое изречение великого китайского философа: «Казнить тех, кого не наставляли, значит быть жестоким; требовать исполнения, не предупредив заранее, значит проявлять насилие» [12, 199; 7].

Воспитание в таком традиционном стиле, несомненно, способствовало бы профилактике коррупции не только в китайском или корейском обществе. Такие традиции следует поддерживать и развивать всемерно.

Литература:

- 1) Всеобщая история государства и права: учебник для вузов / Под ред. проф. К.И. Батыра. - М.: «Былина», 2000.
- 2) Гусельникова Т.Н. О социальной структуре самурайства в токугавской Японии// Зарубежный Дальний Восток. Вопросы истории общественного развития: Сб. науч. трудов. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1990. С. 6-27.
- 3) Жебин А.З. Северная Корея между прошлым и будущим// Актуальные проблемы Корейского полуострова. / Сборник статей. – М., 1996, с. 166-191.
- 4) Иванов А.М. К проблеме девиантного поведения несовершеннолетних в странах АТР// Сборник тезисов научно-практической конференции «Преступность и дети». - М., 1999.
- 5) Иванов А.М. Организованная преступность и борьба с ней в Японии. - Владивосток, 2000.
- 6) Иванов А.М., Корчагин А.Г. Преступление и наказание в странах

Азиатско-Тихоокеанского региона. Учебное пособие. - Владивосток, 1999.

7) Иванов А.М., Корчагин А.Г. Уголовный закон и уголовная политика на Корейском полуострове: компаративный анализ. Учебное пособие. – Владивосток, 2002.

8) Имамов Э.З. Уголовное право Китайской Народной Республики. Теоретические вопросы Общей части. – М.: Наука. 1990.

9) Ионова Ю.В. Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее: середина 19 – начало 20 в. – М.: Наука, 1982.

10) История Кореи (с древнейших времен до наших дней). – М.: Наука, 1974, т. 1.

11) Книга правителя области Шан. Памятники письменности Востока. – М., 1993.

12) Конфуций. Луньчюй. Изречения. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.

13) Кычанов Е.И. Основы средневекового Китайского права (VII-XIII вв.). – М.: Наука, 1986.

14) Ланьков А.Н. Северная Корея: вчера и сегодня. – М., 1995.

15) Lee Kwang-kyu. Korean Family and Kinship. – Seoul, Korean Studies series No. 3, Jipmoondang Publ. Co., 1997.

16) Омельченко О.А. Всеобщая история государства и права: Учебник в 2 т. – М.: ТОН-ПРИОР, 1999, Т.1.

17) Pak Pyong-ho. Characteristics of Traditional Korean Law// Legal System of Korea. - Seoul, 1982.

18) Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 1. Преступление / Под ред. А.И. Коробеева. – Владивосток, 1999.

19) Рубин В.А. Личность и власть в древнем Китае. Избранные труды. – М., 1993.

20) Рубинштейн М. Экономика и социальные отношения Китая// О Китае. Политико-экономический сборник. /Под ред. А. Лозовского. – М., 1928.

21) Рю Хакку. Проблемы ранней истории Кореи в японской историографии. – М.: Наука, 1975.

22) Селезнев Н.А. Государство и право Китая 1864-1918 гг.// Всеобщая история государства и права зарубежных стран. - М.: МГУ, 1960.

23) Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. – М.: Наука, 1978.

24) Han Woo-keun. The History of Korea. – Honolulu, The Univ. Press of Hawaii, 1974.

25) Хангукса (История Кореи для зарубежных корейцев. Издание для России. На кор. и рус. яз.). – Сеул, 1996.

УДК 340.114.5

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ
У ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ**

Иванов Александр Михайлович

канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории

государства и права Юридической школы

Дальневосточного федерального университета,

г. Владивосток

Ami_25.07@bk.ru

**SPECIFIC FEATURES OF FORMING LEGAL CONSCIOUSNESS
AMONG TURKIC PEOPLE**

Aleksandr M. Ivanov

Dr. of Law, Associate Professor

of the Chair of Theory & History of State and Law,

Law School of FEFU,

Russia, Vladivostok

АННОТАЦИЯ

В 19 веке на волне буржуазных революций возникают движения пантюркизма, панарабизма, панисламизма, панславизма и др... Автор исследования задается вопросом об осуществимости этих идей и, в первую очередь, идеи пантюркизма, предпринимая взгляд через призму развития правосознания тюркских народов. Предлагаемое движением объединение всех тюркских народов в некую политическую общность должно учитывать факт, что

единение политическое подразумевает единство картины мировосприятия, для формирования которой лишь чувства предполагаемого родства тюркских народов, основанного на выводах об определенных сходствах языка, может оказаться недостаточным.

ABSTRACT

In the 19th century, on the wave of bourgeois revolutions, movements of pan-Turkism, pan-Arabism, pan-Islamism, pan-Slavism, etc. arise ... The author of the study wonders about the feasibility of the idea of pan-Turkism, taking a look through the prism of the development of the legal consciousness of Turkic peoples. The movement's proposed unification of all Turkic peoples into a certain political community should take into account the fact that political unity implies the unity of the worldview, for the formation of which only a sense of the supposed kinship of Turkic peoples, based on conclusions about certain similarities of language, may be insufficient.

Ключевые слова: история; панисламизм; пантюркизм; правосознание; правовое государство; тюркские народы; философия права.

Keywords: history; pan-Islamism; pan-Turkism; legal consciousness; rule of law state; Turkic people; philosophy of law.

Введение.

На протяжении всей истории человечества вообще, и истории государства и права, в частности, отмечается стремление людей к справедливости. Справедливость воспринимается людьми по-разному, однако общий смысл сводится, чаще, к тому, что она представляет собой определенное состояние равновесия во взаимоотношениях с окружающим миром. Такое равновесие позволяет избежать серьезного столкновения с окружающим миром, частью которого мы являемся. Очевидно, что сохранению равновесия способствует поведение, учитывающее закономерности развития окружающего мира.

Смещение равновесия вызывает в окружающем мире противодействие, равное силе смещения, что может подвергнуть человека, отдельного индивидуума и человечество в целом, опасности неблагоприятного воздействия со стороны окружающего мира. Восстановление справедливости, как восстановление равновесия, придает устойчивость в отношениях с миром, обществом, укрепляя чувство безопасности, личной и общественной. В целях определенных гарантий безопасности возникает необходимость в фиксации правил возможного и должного поведения или иными словами – изложение представления о том, какое поведение является допустимым (безвредным, неопасным), какое недопустимым (опасным). При адекватном восприятии картины мира достаточно учитывать закономерности развития мира, чтобы находиться с ним в гармонии, то есть сохранять равновесие во взаимоотношениях. Такой подход к регулированию взаимоотношений с миром и обществом могут именовать естественным правом. Однако, в силу различных обстоятельств, внешних и внутренних, картина мировосприятия у отдельного человека и у социума может искажаться. Тогда правила, фиксирующие рамки общественного поведения, могут не вполне совпадать с закономерностями развития окружающего мира, отражая лишь картину мировосприятия группы лиц, составляющих нормы поведения. Поскольку такие правила возникают в результате установлений, волеизъявления небольшой группы лиц, их могут именовать установленным (по-латински – позитивным) правом, а «допустимое» и «недопустимое» поведение называют «правомерным» и «неправомерным». В стремлении к справедливости может усматриваться сходство естественного права и позитивного права. Но, из-за искаженного мировосприятия содержание требований норм может различаться.

Существует один мир, развивающийся по присущим ему закономерностям, поэтому нормы естественного права в их различных формулировках будут отличаться от норм позитивного права тем, что первые отражают существующие/действительные закономерности, тогда как вторые обычно отражают желаемые закономерности.

К сущности и разнообразию форм правосознания

Различная степень искажения картины мировосприятия возникает в связи с различием определенных социальных и научных позиций, складывающихся в определенную систему правовых взглядов, называемых правовой идеологией. Совокупность взглядов, идей, выражающих отношение людей, социальных групп, классов к праву, законности, правосудию, их представление о том, что является правомерным или неправомерным называют правосознанием. [13, 521]

Концентрированным выражением правосознания является правовая идеология – система правовых взглядов, основывающаяся на определенных социальных и научных позициях. Психологическую сторону правосознания составляют привычки, чувства, эмоции людей в отношении правовых явлений. Поскольку речь идет об осознании или восприятии права, то логично, что правосознание включает знание действующего права, его основных принципов и требований, однако не сводится лишь к этому. Для правосознания не менее важен оценочный момент и поведенческие установки. Кроме того, правосознание подчинено общим закономерностям развития общественного сознания. Оно выступает как специфическое отражение экономических, политических и иных отношений данного общества, положения классов и индивидов в системе общественного производства и социально-политической структуры. Существенное влияние на правосознание оказывают другие формы общественного сознания, прежде всего политическое сознание и мораль, а также общественная психология, исторические традиции, сложившийся образ жизни и т.д. [13] Взаимосвязи правосознания и права носят сложный характер. С одной стороны, правосознание предшествует праву, поскольку последнее выражает взгляды и установки господствующих в обществе классов, т.е. их правосознание (в переходные периоды, например, в советское время считалось, что само революционное правосознание может играть роль действующего права). Сложившаяся в данном обществе правовая система в свою очередь выступает в качестве одного из важнейших факторов, воздействующих на правосознание. Наконец, функционирование права, его применение и соблюдение зависят от

правосознания. Недостаточный уровень развития правосознания может обречь на неуспех самое совершенное законодательство.

История государства и права с древнейших времен и до наших дней свидетельствует о том, что в любом обществе при любом политическом режиме вся масса населения условно может быть поделена на три основных слоя или части. Одна часть всегда будет поддерживать существующее правление/ правящую партию. Другая всегда будет представлять оппозицию. Третья часть, самая большая часть населения обычно проявляет «политический нейтралитет» или определенное равнодушие, безразличие к тому, какая партия находится у руля власти. Это – основная масса налогоплательщиков, которые понимают, что поскольку одним их признаков современного государства является сбор налогов, то смена правящих партий не приведет к отмене поборов налогоплательщиков. Тем более, что и «оппозиционные» партии в современном государстве лишь играют роль оппозиции, на деле выступают за те же политические идеалы, что и правящие партии, с незначительным изменением окраски. По сути, противостояние/ антагонизм образуется не между правящей партией и «оппозицией», а между обществом/ налогоплательщиками и государством/ сборщиком налогов. Тем не менее, и в таком антагонистическом обществе нет единого правосознания. Если в действующем праве находит свое выражение главным образом правосознание господствующего класса/ правящей партии, то разные классы и социальные слои оценивают действующее в данном обществе право со своих позиций. Это, однако, не исключает наличия в правосознании разных слоев совпадающих оценок, например, осуждение уголовных преступлений против личности. В советский период развития нашей страны считалось, что в социалистическом обществе складывается и по мере усиления социальной однородности общества развивается единое господствующее социалистическое правосознание. Совершенствование правосознания всех членов общества, повышение правовой культуры было направлено на выработку такого уважения к праву и закону, которое «...должно стать личным убеждением каждого человека»... все это признавалось важной составной частью

коммунистического воспитания [13]. Иными словами, можно предположить, что добиваясь социальной однородности, в процессе совершенствования общественного воспитания, иначе – в процессе социализации личности, тем самым повышают уровень правовой культуры, что, в свою очередь, вырабатывает уважение к праву и закону, создаваемому конкретной политической волей, поскольку действующее право признается «возведенной в закон волей государства».

Касаясь сущности правосознания, И.А. Ильин отмечал, что «человеку невозможно не иметь правосознание, его имеет каждый, кто сознает, что кроме него на свете есть другие люди. Человек имеет правосознание независимо от того, знает он об этом, или не знает, дорожит этим достоянием, или относится к нему с пренебрежением. Вся жизнь человека и вся его судьба слагаются при участии правосознания и под его руководством; мало того, жить – значит для человека жить правосознанием, в его функции и в его терминах: ибо оно остается всегда одною из великих и необходимых форм человеческой жизни» [7, 19].

Правосознание и язык

Правовое регулирование отличается по своей сути и характеру от других видов регулирования (физического, механического и т.д.). Правовое регулирование не является по своей сути материальным, а осуществляется через сознание и волю людей. Оно носит идеальный характер и в том смысле, что осуществляется с помощью нематериальных средств, а особых идеальных средств (объектов), которые воздействуют на сознание субъектов права, формируют их волю в определенном направлении, дабы вызывать соответствующее поведение [14, 358]. Способами правового регулирования являются запрет, обязывание и дозволение [14, 359]. Проще говоря, права и обязанности, сами нормы права – это определения мысли (идеальные объекты) о должном и дозволенном поведении. Но любой идеальный процесс не может проходить без участия материи. Такой материей является язык как система, состоящая из материальных знаков (графических, звуковых). С помощью языка мысли идеи материализуются, становятся доступными для других субъектов,

обретают собственное, независимое существование от субъектов, их создавших... Без языка правовое регулирование невозможно. Язык опосредствует все стадии, все стороны, все элементы правового регулирования. Язык многофункционален. Отметим хотя бы две функции. Семантическая функция языка сводится к описанию и объяснению действительности, к предсказанию развития тех или иных процессов, т.е. обслуживает познавательную деятельность человека. Прагматическая функция языка состоит в воздействии на поведение людей. Если первая функция находит выражение прежде всего в суждениях, то прагматическая функция осуществляется с помощью таких языковых феноменов, как одобрение, неодобрение, совет, рекомендация, веление, приказ и т.д. К их числу относятся нормы права, дозволения, обязывания, запреты и т.д. Речь в данном случае идет о естественном языке соответствующего народа... [14, 359] и, следовательно, о его (народа) ценностях... Правовая система это система прагматическая, преследующая практические цели воздействия на поведение людей, а потому и используются в ней языковые явления прагматического характера: нормы, дозволения, обязывания, запреты...

В свое время Вильгельм Гумбольдт отмечал: «Человек так устроен, что он всегда связывает нечто, увиденное им, с тем, что он уже знает» [5, 6]. Универсальный закон ассоциативной памяти связывает (иногда логично и закономерно, иногда очень причудливо и странно) мысль с мыслью, вещь с вещью, вещь с мыслью, слова с мыслями и вещами. Когда эти связи, рождаемые вначале подсознанием, осмысливаются, человек старается назвать, описать их словесно или выразить каким-то иным образом (рисунком, жестом) [5, 6]. Кто изобретает или открывает новую вещь или новое действие, новое отношение, новое явление – тот и дает открытому им явлению имя. На основании заявленного, некоторые ученые полагают, что «Сначала – вещь (явление, понятие о чем-то), потом – название, слово». Однако встречается и иное мнение: Вначале было Слово... Поэтому утверждение о том, что «невербальное лежит в основе всего вербального», предмет речи первичен, сама речь вторична, в нашем

представлении является сомнительным и спорным. Заманчиво система дуальности восприятия мира дает подсказку: Сначала сам Человек, потом слово «человек»... Но, древние полагали, что вещь и понятие о ней, а, значит, ее имя, название – неразделимы. Есть такое мнение, что и «мысль совершается в слове» [5, 51]. Вместе с тем, нам ближе выводы исследования Н.Н. Вашкевича, который считает, что «не народ творит языки, а язык формирует народы и определяет их менталитет и даже морфологию: форму носа, пальцев, цвет кожи и т.д.» [4, 5] До сих пор в языке многие видели только средство общения. Но язык имеет не только коммуникативную функцию, но и кибернетическую, и она главная. Слова не только инструменты общения, но и элементы программ. Развитие биологических объектов и целой их совокупности, называемой Жизнью, происходит по словесным программам. Вспомним: В начале было Слово. Такие же программы управляют процессами, как биологическими (инстинкты), так и социальными (нормы права)... [4, 5]. А поскольку слова (звук, волны, вибрация) являются элементами программ, управляющих поведением всех живых объектов, то они (слова) мотивируют не только слова и мысли, но и поступки людей, их позиции, особенности поведения, и даже повадки животных [Ср.: 4, 8].

Язык – это сложнейшая система знаков и символов. Именно в языке объективируются сознание и самосознание личности, отражаются ее чувства и эмоции, посредством языка осуществляется изучение и познание мира. Речь и язык – это специфические социальные средства хранения и передачи информации, а также средства управления человеческим поведением, состоянием души и тела, духа и разума. С глубочайшей древности известно, что словом можно убить, можно вылечить, что свидетельствует о его метафизических свойствах, что подтверждается физиологическими реакциями в опытах академика И.П. Павлова. То, что слово действительно, доказывает и теория функциональных систем академика П.К. Анохина. Речь идет о второй сигнальной системе и ее связи с подсознанием человека, управляющим психофизическими процессами в организме [11, 105-106]. Услышанное и

произнесенное, прочитанное и написанное влияет на гормонально-ферментативные процессы, восстанавливает и усиливает функции всех внутренних органов и систем, мобилизует их саморегуляцию, саморазвитие и самоуправление. Поскольку существует такая глубокая и всесторонняя связь, то с помощью слова можно оказывать целенаправленное воздействие на мозг и психику, на дух и разум. Упрощение речи, деградация языка сказывается не только на сознании, но и на поведении людей. Бездуховность, безнравственность, агрессивность, разного рода психофизические отклонения в значительной степени являются следствием существенных искажений в речи и языке... [11, 106]. Результаты исследований в области психоэнергетики, генетические эксперименты показывают, что мозгу и организму далеко не безразлично, о чем человек думает, что он слушает, говорит или читает [11, 107]. Любое произнесенное слово действует как определенного рода программа, способная влиять на жизнь и поведение людей [11, 112]. У П.П. Гаряева, специалиста по волновой генетике, есть умозаключение о том, как внешняя информация влияет на организм ребенка. Малыш, казалось бы, еще ничего не понимающий, находится в комнате, где включен телевизор, и взрослые смотрят боевики, эротику, «тяжеловесные» клипы... Информация в виде синтеза цвета и звука, которую излучает экран, находит место в душе ребенка рядом с родительскими наставлениями, доброй сказкой. Непристойность становится частичкой [11, 113] его внутренней культуры, вариантом нормы, осевшей в подсознании... Услышанное, увиденное десятилетия назад может всплыть из глубины генетической памяти. Все зависит от того, в каком контексте это всплывет... Мировосприятие, искаженное агрессивной, гнилой, замусоренной информацией, может стать миной замедленного действия [11, 114], способной запустить механизмы саморазрушения. «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется, - писал Ф. Тютчев. Но нам дано понимание того, что такое слово и какова может быть сила его воздействия на человека, особенно если это ребенок и в каждой его клеточке прорастает и его собственное будущее, и будущее его семьи, и будущее целой страны (народа – славянского,

тюркского)... В свое время Ататюрк, президент Турции, придя к власти, создал специальную научную комиссию, с задачей найти корни тюркских народов. Комиссия накопила большой фактический материал, но корни тюрок не нашла [4, 421-424].

Известно, что у тюркоязычных народов, проживавших на территории СССР, письменность (например, у татар, как и многих других в прошлом мусульманских народов), сначала развивалась на основе арабской, затем латинской и, наконец, русской графики [9, 124]. В своих выводах мы учитываем и этот факт, в связи с тем, что отдельные исследователи устанавливают влияние на поведение человека, на формирование его сознания, мировосприятия - не только вида графики, но и стиля письма [11].

Правосознание и идеология

При осмыслении исследуемых явлений надо учитывать, что объяснение любого явления справедливо лишь для данного времени, для данной страны, народа, данного общества. Например, ответ на вопрос «Что такое право?» сегодня в РФ звучит не совсем так, как звучал в советское время. Однако, изменилось не содержание права, а его понимание, толкование, связываемое с изменениями в государственном и общественном строе, сознании, которое формируется под действием внешних обстоятельств, не в последнюю очередь – под действием политической воли и форме ее выражения, господствующей идеологии. Мир жаждет устойчивости, однако реальностью является то, что ныне устойчивы только перемены, реформы, преобразования. При этом, преобразование образов, так и не устоявшихся. Мы жаждем мира, но живем практически на войне, называя это «свободной конкуренцией», «борьбой за национальные интересы» и т.п. [8, 22]. Тысячи институтов и лабораторий гадают, каким будет будущее человечества, и приходят к выводам о том, что будущее непредсказуемо и определенно можно сказать лишь, что его ожидают новые катаклизмы, и т.д.

В стремлении сгладить последствия общественных потрясений движение пантюркизма выдвигает идею возможности объединения, единства всех

тюркских народов. Участники движения полагают, что такое единство позволит хотя бы тюркским народам достичь благоденствия. По нашему представлению, здесь неизбежно возникает вопрос: На какой почве, основе возможно единение тюркских народов в наше время, если оно возможно вообще? На основе идеи сходства языков? Сходство языков, относящихся к тюркской языковой семье не оспаривается, однако у народов, относящих себя к тюркским, имеется много различий, в частности, отмечаются различия в антропологии и культуре. Единое происхождение, единый исток не обязательно указывает (должен указывать) на дальнейшее единство. Так, бывает, что один ручей распадается на русла нескольких рек, которые могут течь даже в разных направлениях, иногда диаметрально противоположных. Такое явление мы наблюдаем в природе и в обществе. Например, иудаизм дал начало и христианству и исламу. Последователи этих «авраамических религий» не всегда и далеко не во всем имеют сходные ценности, а история свидетельствует о том, что противоречия между ними, порой, приводили к вооруженным столкновениям. Противоречивое отношение к одним и тем же явлениям могут возникать даже внутри того или иного политического или религиозного воззрения. Вспомним, например, как РСДРП разделилась на партию «большевиков» и «меньшевиков», а затем и внутри ВКП (б) образовались непримиримые «уклоны»... Аналогично в исламе, помимо множества сект существуют два течения, суннизм и шиизм, последователи которых считают себя правоверными, однако очень часто не могут прийти к взаимопониманию. А, ведь, среди тюркских народов есть те, кто разделяет взгляды шиитов (например, азербайджанцы) и взгляды суннитов (например, татары, башкиры, узбеки и др.). Более того, среди татар, например, имеются последователи и ислама, и значительное число принявших христианство, много атеистов. Также и среднеазиатские тюркские народы, пережив влияние исламского мировосприятия, в настоящее время на конституционном уровне придерживаются светской идеологии.

Однако единый исток, происхождение могут указывать на единство, сходство отдельных черт: во внешнем и внутреннем развитии, поведении, реакции

на события, явления в окружающем мире. На поведение клеток тканей, органов влияет множество факторов, совокупность коих можем условно назвать «предварительной заданностью», «программой». Можно предположить, что за идеями движений пантюркизма, панславизма, панисламизма, панарабизма... глобализма скрывается желание единства кулака, управляемого единой волей, очередного приведения всех тюрков, славян, арабов, мусульман «к общему знаменателю»...

Безусловно, базовые материальные ценности у всех народов совпадают: все нуждаются в пище, одежде, жилье, но ряд факторов (климат, идеология и пр.) приводит к тому, что регулирование, перераспределение приоритетов, принципов взаимоотношений идет по-разному. Особенности социальной эволюции человека привели к тому, что механизмы взаимосвязи с природой начинают страдать в угоду механизмам социальной адаптации... Организм становится как бы глухим к биосферным и космическим пульсациям. Корни этого мировоззрения кроются в технократической истории развития человеческого общества (по западному типу развития), особенно в европейских странах. И в извращенном воспитании. Детей готовят к бешеным ритмам взрослой жизни, обучая всем мыслимым и немыслимым наукам. Но никто не учит их слушать природу, чувствовать ее дыхание и соизмерять с ней свои помыслы и дела [3, 30]. Обращаясь к древнему эпосу тюркских народов: Олонхо, Манас и др., можно предположить, что «добро и справедливость» расценивались как высший закон мироустройства, который обеспечивает всеобщий порядок и гармонию [12, 57]. Обращение к категориям такой направленности, как справедливость, благо, добро - диктовалось непосредственно общественно-практическими целями: помочь людям скорректировать свой образ жизни, помочь в достижении общественного и личного блага, помочь в торжестве справедливости [12, 57].

Некоторые тюрки (напр., тувинцы) восприняли Буддизм. Буддизм, как известно, предлагает программу личностного совершенствования [12, 60-61] – так называемый восьмеричный путь. Движение по нему к личностному и

социальному идеалу предполагает следующие шаги: 1) правильное видение буддийских истин; 2) правильная мысль, внутренняя дисциплина; 3) правильная речь, воздействие на свой характер посредством контроля над собственной речью; 4) правильное действие, жизнь в согласии с самим собой и другими людьми; 5) правильный образ жизни; 6) правильное усилие, нравственный анализ своих намерений, слов и поступков; 7) правильное внимание, контроль и нравственная ответственность за состояние своего сознания; 8) правильное сосредоточение, медитация [12, 60]. Часть тюрков придерживается тэнгрианства, шаманизма, где картина мировосприятия имеет определенные отличия от религиозной и светской картин.

Из истории различных стран и народов, в том числе и истории нашей страны можно заметить, что единство крови не уберегает от междоусобиц и гражданских войн, напротив, наличие сект/ расколов в религиозных организациях, политических партиях, порой, приводят к международным, мировым войнам даже у «единоверцев». Думается, что не все взгляды последователей ислама могут разделяться буддистами и шаманистами, атеистами, христианами – тюрками... Равно и наоборот. Неоднородность идеологическая и религиозная, то есть мировоззренческая влечет за собой неоднородное отношение к праву, формирование общих норм поведения. Политическая воля, при определенных условиях, может привести к образованию подобия «Тюркского каганата», «де юре», однако «де факто» единства не произойдет, и правовое восприятие, то есть «картина мировосприятия» не станет единой. Так, известно, что Будда в принципе не отвергал существования социального неравенства и варнового деления в обществе [12, 61; 6, 34-38], не отвергают социальное неравенство ни ислам, ни христианство, однако идея строительства «правового государства», положения конституций светских государств устанавливают всеобщее равенство [1], отказ от которого современными тюрками вряд ли будет одобрен и принят. Другими словами, хотя отдельные положения о стремлении к нравственности в буддизме, исламе, христианстве могут внешне перекликаться, казаться идентичными, однако

верующие мусульмане и христиане, например, исключают идею реинкарнации, отсюда, понятие ответственности за содеянное весьма различается. Поэтому, как бы идеи единства всех тюрков ни звучали иногда привлекательно, представляется, что цели «пантюркизма» достигнуты быть не могут.

Заключение

Языки тюркских народов имеют определенное сходство, однако носители их принадлежат к различным антропологическим, расовым типам, что может указывать на факт различного предназначения народов, языки которых отнесены к одной языковой группе.

Картина мировосприятия, а вместе с тем и отношение к праву, правосознание связаны с воспитанием и культурной средой, а они различаются в силу предпочтения одними – религиозности, другими – светскости. Религиозные и идеологические ценности как у представителей разных тюркских народов, так и внутри народов существенно различаются. Их отражение находит в понятиях и терминах, которые, когда речь заходит о сходном содержании, наполняются различными мыслеобразами, формируя различные картины мира, порой диаметрально противоположные представления о добре и зле, одобряемом и запретном. Предлагаемое движением пантюркизма объединение всех тюркских народов в некую политическую общность должно учитывать факт, что единение политическое подразумевает единство картины мировосприятия, для формирования которой лишь чувства предполагаемого родства тюркских народов, основанного на выводах об определенных сходствах языка, может оказаться недостаточным.

Настоящее исследование некоторых особенностей правосознания тюркских народов можно рассматривать как постановку проблемы. Более подробные исследования в этом направлении, надеемся, будут осуществлены в ближайшем будущем.

Литература

- 1) Конституция Российской Федерации (с гимном России). – Москва:

Прспект, 2021. – 64 с.

2) Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: «Высшая школа», 1969. – 385 с.

3) Безертинов Р.Н. Древнетюркское мировоззрение «Тэнгрианство». Учебное пособие. – Казань: РИЦ «Школа», 2006. – 164 с.

4) Вашкевич Н.Н. Всемирный периодический Закон. Введение в смысловую логику. – М.: Издатель С. Ландышев. – 7518 (2010). – 704 с.

5) Горелов И.Н., Енгальчев В.Ф. Безмолвной мысли знак: Рассказы о невербальной коммуникации. – М.: Мол. гвардия, 1991. – 240 с.

6) Иванов А.М. Религия и политика (историко-правовой очерк). Учебное пособие. – Владивосток, 2005, №1 (11). - 68 с.

7) Ильин И.А. О сущности правосознания. – М.: «Рарогъ», 1993. – 235 с.

8) Ильинский И. О терроре и терроризме// Кара-Мурза С.Г. Сеющие смерть, или Кто заказывает террор. – М.: Эксмо, 2010. – 256 с.

9) Исаев М.И. О языках народов СССР. – М.: Изд-во «Наука», 1978. – 224 с.

10) Кормушин И.В. Древние тюркские языки. Учебное пособие. – Абакан: Изд-во Хакасского гос.ун-та, 2004. – 336 с.

11) Солонилов Дмитрий. Человек пишущий. Об азбучных истинах, или Размышления о воздействии письма на физическое и духовное становление личности. – М.: ООО «Янус-К», 2009. – 144 с.

12) Философия права: учебник / О.Г. Данильян и др. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 416 с.

13) Философский энциклопедический словарь. /Гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: «Советская энциклопедия», 1983. – 840 с.

14) Черданцев А.Ф. Теория государства и права: Учебник для вузов. – М.: Юрайт-М, 2001. – 432 с.